

попаванец
ГОУВ ДУНГ

Алексей Гришин
ЦЕНА
ВОЗВРАЩЕНИЯ

Попаданец (АСТ)

Алексей Гришин
Цена возвращения

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Гришин А.

Цена возвращения / А. Гришин — «Издательство АСТ»,
2023 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-160419-6

Магический мир, в котором удачно устроился бывший ветеран российской контрразведки. Богатство, почести, мирная жизнь. И никаких опасностей — без них дел невпроворот. Теперь жизнью рискуют его друзья. Один послан шпионом в чужую страну и оказался на грани провала. Другой должен его спасти, отвлечь на себя внимание контрразведки — таков приказ. И погибнуть. Или все же сможет вернуться агент галлийской разведки? Прошедший через боль и кровь, видевший смерть, но все же лишь пятнадцатилетний мальчишка. Многого не знающий, во многом наивный. Пусть небольшие, но шансы есть. Вопрос, как всегда, в цене. Сможет ли он заплатить?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-160419-6

© Гришин А., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Предисловие автора	6
Вступление	8
Часть I	13
Глава 1	13
Глава 2	17
Глава 3	21
Глава 4	23
Часть II	28
Глава 5	28
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	38
Глава 9	41
Часть III	45
Глава 10	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Алексей Гришин

© Алексей Гришин, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Иллюстрация на обложке Сергея Курганова

* * *

Предисловие автора

Так уж повелось, что истории о нашем соотечественнике, бывшем полковнике российской контрразведки, попавшем в некий параллельный мир, я начинаю с рассказа о том, что послужило основой для их написания.

Не будем нарушать традицию.

В мемуарах, доставшихся мне воистину сказочным образом... впрочем, об этом я рассказал ранее... Так вот, там, помимо дневников, легших в основу предыдущих книг, я обнаружил несколько... вероятнее всего, черновики. Во всяком случае, зачеркивания, вставки и сноски, стиль и стандартные обороты – все указывало на то, что писал их человек, когда-то носивший погоны с васильковыми просветами.

Один из них я доработал и отредактировал. Вот что получилось.

Совершенно секретно

Экз. един.

*Начальнику разведки Галлии
маркизу де Шутту*

Ваша светлость!

От владетельного графа Амьенского мне стало известно, что его личной разведкой получена информация об обострении внутривосточной борьбы между влиятельными вельможами Островной империи.

Как известно, после смерти императора Этельстана III на трон взошел его сын, принявший при коронации имя Вильгельма II. При этом пересеклись интересы фаворитов прежнего императора с дворянами, рассчитывающими занять их место при новом правителе.

Одновременно на Вильгельма II усиливается давление со стороны парламента, особенно его нижней палаты, представляющей интересы крупных промышленников и купечества неблагородного происхождения, с целью конституционного ограничения императорской власти. Парламентарии стремятся получить реальные рычаги воздействия на принятие решений, касающихся не только внутривосточных, но и внешнеполитических вопросов.

Конфликт с парламентом усугубляется тем, что в среде купцов набирает популярность новое еретическое течение, так называемое «очищение», противопоставляющее себя не только истинной церкви, но и традиционной в империи реформистской церкви. Помимо извращения теологических постулатов, «очищение» характеризуется жестким прагматизмом, направленным на получение верующими доходов любыми путями, в том числе и заключением временных союзов с любыми силами без оглядки на традиционные моральные и духовные ценности.

Полагаю, что в случае объединения авторитета императорской власти и финансовых возможностей купеческо-промышленной элиты, исповедующей подобные принципы, Островная империя может стать опасным конкурентом нашей страны как в Европе, так и в Новом Свете, поскольку будет готова к согласованным антигаллийским действиям как с Кастилией, так и с Османской империей.

Особую опасность для Галлии, по мнению владетельного графа Амьенского, представляет фаворит бывшего императора секретарь Лунной палаты герцог Фицуильям. Последний активно сближается с той частью парламента, которая готова оставить в руках императора власть исполнительную в обмен на признание «очищения» в качестве второй государственной религии.

В то же время т. н. новые фавориты поддерживают Вильгельма II в его стремлении к созданию в Островной империи режима абсолютной монархии, превращению парламента в орган, исполняющий лишь представительские функции.

Недавно от одного из агентов амьенской разведки поступила информация, что Фицуильям перешел к использованию преступных методов, связанных с физическим устранением политических противников. Конкретные его планы в этой части неизвестны, однако агент осведомлен, что на их реализацию выделяются крупные средства, направляемые лично главе лондонского отделения Лунной палаты, а также не установленному на сегодняшний момент магу.

Также участились крупные разовые выплаты одному из подразделений личной гвардии герцога Фицуильяма.

Учитывая изложенное, прошу Вас рассмотреть возможность проведения операции по активизации внутривполитической борьбы в Островной империи с целью максимального усиления противоречий между императором и парламентом страны.

*Королевский интендант Пиккардии
виконт де Камбре барон де Безье*

Резолюция:

Виконт любит лезть в чужие дела, пусть своими занимается. Мы и сами знаем, что надлежит делать. Документ – в архив.

де Шутт

Вступление

Имя этого человека, безусловно, много значило для него и его семьи, ради которой он и решился рискнуть жизнью. Но оказалось совершенно неважным как для истории в широком смысле этого слова, так и для нашей истории.

Достаточно знать, что три дочери человека выросли, и для того, чтобы, как и положено, выдать их замуж за достойных людей, следовало озаботиться достойным приданым. Задача сколь очевидная, столь и неразрешимая для мелкого чиновника в казначействе Лунной палаты.

Сама контора, безусловно, внушала добрым островитянам не то что уважение или даже страх – ужас. Именно Лунная палата, где заседали самые доверенные лорды империи, выносила приговоры тайным врагам государства – тем мерзавцам, что осмеливаются вредить скрытно, не оставляя следов, никак не проявляя свою коварную и злобную сущность.

Живет себе такая гнида, притворяясь обычным, да даже и уважаемым джентльменом, а то и вовсе благородным дворянином, но господа лорды не спят! Выдернут такого на свое заседание да поспрашивают мудро. Ап – и ясно им, что никакой это не честный купец Эткинсон или не всем известный барон Редклифф, а самый настоящий вонючий изменник, точащий свои гнилые зубы на самого императора, великого и всемилостивейшего.

А потому эту паршивую собаку следует публично предать смерти лютой, дабы другим неповадно было. Чтобы месяц потом, не меньше, обсуждали зрители и за кружкой эля рассказывали тем, кому не посчастливилось увидеть, как страшно орал гнусный предатель, когда с него живого... Впрочем, дальнейшее обычно разнилось в зависимости от тяжести вины и настроения, в котором пребывали лорды во время вынесения приговора.

Вот что знали и чего боялись добрые островитяне, независимо от достатка и титулов. И лишь тихие, незаметные клерки Лунной палаты понимали, что главным основанием для жестоких приговоров являлось имущество приговоренных, переходившее в казну полностью. Почти. За исключением некоей доли, за счет которой и существовала эта самая палата.

Конечно, бывало по-всякому. На эшафот мог отправиться и впрямь человек, нелестно отозвавшийся о его величестве, или о котором сказали его величеству, что, мол, говорил мерзавец нечто невесторженное.

Однажды, незадолго до смерти бывшего правителя, на площади Святого Эммануила-великомученика заживо сварили отца, не пожелавшего привести в императорские покои двенадцатилетнюю дочь. Безвестный чиновник, о котором мы сейчас говорим, знал твердо, своими ушами слышал, как сам его светлость герцог Фицуильям объяснял коллегам, почему тем следует вынести именно такой приговор.

В тот день чиновник, исполняя свои обязанности, тихонько вошел в зал заседания, передал герцогу счет в оплату новой кареты и, дождавшись подписи, так же тихонько пошел прочь. Фицуильям вообще не обращал внимания на подобных людишек, искренне считая их чем-то вроде ходячей мебели.

Но когда этот незаметный человек еще только выходил, даже не успев открыть дверь, сэр герцог громко и простыми словами объяснил уважаемым лордам смысл и причину будущего приговора. В котором потом, разумеется потом, написали и про измену, и про замышлявшееся убийство августейшей особы, и про многое-многое другое. Завершался обширный список злодеяний противоположенным совокуплением преступника с овцой, которую содержал соседский молочник. Но это была лишь мишура, за которой спрятали мелкую обиду великого владыки.

Вот тогда впервые и задумался человек, как бы извлечь высокий доход из своей невысокой должности да безмерной заносчивости начальника. Мол, когда отправляют на казнь, смот-

рят на что угодно, только не на виновность, тут уж как повезет, когда и кому под горячую руку подвернешься. Так проживем отпущенный Спасителем век с комфортом!

И вот где-то около года назад свела человека судьба со скромным приказчиком серьезного галлийского купца. Дело было в корчме, вечером, когда честные лондонцы уже утолили жажду пинтой-другой доброго эля, но до молодецких кулачных забав дело еще не дошло.

Приказчик подошел, вежливо попросил разрешения сесть рядом. Отказ и пожелание идти в задницу к демонам проигнорировал, более того, предложил выпить. За чужой счет? Какой нормальный счетовод от этого откажется? И как-то так хорошо пошла беседа под эль да под отварные говяжьи хвосты, что скоро галлиец и островитянин обнимались и дружно кричали проклятья в адрес гнусных кастильцев, демонстративно не признающих величия прекрасного пенного напитка.

В конце беседы приказчик поинтересовался, не сгущаются ли, часом, тучи над головой некоего островитянина, купца, с которым ему предстоит совершить некую сделку. Так в чем дело? Какие секреты от друга? Конечно, сгущаются! Завтра утром и разразится гроза, когда потащат болезного в мрачный судебный зал Лунной палаты.

Утром, когда с раскалывающейся после вчерашнего головой человек пришел на службу, он не сразу понял, отчего на всю палату гремел голос герцога Фицуильяма, обещавшего страшную смерть мерзавцу, предупредившему того купца о готовящемся аресте.

А когда понял, задрожал, как загнанный кролик. Хвала Создателю, коллеги отнесли трясучку на счет излишне выпитого вчера эля.

Короче, вздернутые на дыбу купеческие слуги под кнутом палачей в один голос орали, что ночью к хозяину пришел некто в черном плаще и капюшоне, начисто скрывающем лицо, после чего тот едва ли не в исподнем сбежал из дома со всей семьей, захватив лишь те немногие ценности, что лежали в прикроватной тумбочке.

Вот тогда действительно было страшно.

Однако через неделю человек успокоился. Никто его не хватал и не тащил в гости к королевским палачам, а значит, все окончилось благополучно. Только корчму человек сменил – прежняя навела какие-то вовсе уж неприятные мысли. Зато в другой все было тихо, мирно и солидно. Там даже загулявший народ зубы выбивал друг другу как-то пристойнее, интеллигентнее, что ли.

И вот как-то по пути с работы в ту самую новую корчму встретил его тот галлийский приказчик, чтоб его демон сожрал. Отвел в тихий переулок и передал увесистый кошелек, полный серебряных шиллингов – монет неброских, которые можно тратить, не вызывая подозрения у соседей.

– Берите, берите, друг мой! Пользуйтесь на здоровье! Как у вас с ним, кстати? Надеюсь, прекрасно? А будет еще лучше! С такими-то деньгами. Еще заработать желаете?

– Но... – растерянно замямлил человек.

– И даже не сомневайтесь! Ну в самом деле, какая может быть опасность? Встретились два друга, да не на глазах пьяных ротозеев, а во вполне уютной квартирке, я вам потом ее покажу. Выпили, поболтали, посплетничали, в конце концов. И разошлись. О чем говорили, что обсуждали – никого не интересует, никто не узнает. Зато денежки – вот они. Пользуйся на здоровье да и еще зарабатывай. А мы поможем, будьте уверены.

– Так я...

– Разжились денежками. А скоро и вовсе разбогатеете, если меня заинтересуете, конечно. А прочим слова лишнего не скажете, чтобы, не дай вам Спаситель...

Продолжать не потребовалось. Что бывает с подобными болтунами, человек не просто знал – лично пару раз присутствовал на допросах, записывал показания изуродованных говорящих тел, еще недавно бывших здоровыми и сильными людьми.

Лицо покраснело, по лбу потекли ручейки пота.

– Что такое? Что такое?! – собеседник изобразил самое искреннее участие. – Да господь с вами, уверяю, ничего плохого и быть не может, мы же друзья! И деловые партнеры, не так ли?

Человек судорожно кивнул.

– Ну вот и договорились! Вы вот что, вы отдохните, выпейте сегодня хорошего вина, с девицей какой пообщайтесь. А через недельку я вас сам найду, тогда и пообщаемся, о приятном поговорим – о хороших деньгах.

И действительно пропал еще на неделю. За это время страх разоблачения улегся окончательно, человек спокойно оценил открывшиеся перспективы и твердо решил: будь что будет, но он таки использует новое знакомство во благо семье, наплевав на «священный долг перед отечеством», как любил выражаться Фицуильям, зачитывая приговор очередному обреченному.

И работа началась. К галлийскому приказчику уходила информация, в обратную сторону текли деньги, пусть и не полноводной рекой, но ручьем вполне широким.

В этот раз человек шел на встречу, предвкушая немалый заработок – информация, и это очевидно, того стоила. Прошел по узкому кривому переулку, в котором негде было спрятаться недоброжелателю, вдруг решившему проследить за честным человеком, убедился в отсутствии «хвоста» и зашел в неприметную дверь самого обычного дома неподалеку от нижнего города. Места, куда не следует без нужды соваться честному горожанину, но откуда при нужде можно запросто скрыться от любой погони.

Поднялся по скрипучей лестнице на второй этаж, постучал условным стуком в крепкую, сбитую из почерневших дубовых досок дверь.

Тук, тук-тук-тук, тук-тук.

Когда дверь открылась, человек уверенно прошел в знакомую комнату, серую от просачивающегося сквозь мутное стекло вечернего света, привычно сел в стоявшее в темном углу кресло.

– Добрый вечер, рад вас видеть. Хотите вина?

Отношения с тем самым приказчиком за время сотрудничества превратились почти что в дружеские. Во всяком случае, человек по тону сказанного понял, что собеседник в хорошем настроении. Что же, сейчас оно станет еще лучше.

– Нет, спасибо. Перейдем сразу к делу. Итак. Две недели назад я получил указание от самого герцога: счета, на которых к его подписи будет добавлена буква «Д», надлежит складывать в отдельную папку, на которой рукой его светлости написано «Джек».

– Так, дальше. Пока я не понимаю, что здесь интересного.

– Так я же говорю! – азартно воскликнул человек. – Буквально сегодня я принес ему на подпись очередной отчет. Герцог распекал командира одной из групп своей гвардии, наиболее доверенного, с которым общается больше, чем с другими, и обычно с глазу на глаз. Так вот герцог сказал, дословно: «Мне наплевать, сколько черни вы порешили. Я плачу достаточно, чтобы не интересоваться мелочами. Меня интересует лишь, когда вы будете готовы к устранению моих врагов. Операция «Джек» должна завершиться не позднее, чем через три месяца, иначе нам в любом случае не сносить голов – новым фаворитам мы с тобой живыми не нужны». К сожалению, ответа я уже не услышал, надо было уходить.

– А вот это уже серьезно. Значит, его светлость перешел к решительным действиям. Известно что-нибудь об этой операции?

– Немного. Если она связана с той самой папкой, а Фицуильям любит давать своим делишкам таинственные названия, то могу сказать, что в нее подшиваются счета на просто огромные суммы. Вот, смотрите. – Он передал исписанный аккуратным почерком листок.

– Действительно, впечатляет. А что это за отметки: «Л», «Г» и «М»?

– Это получатели. «Л» – глава лондонского отделения Лунной палаты, которое занимается в основном хозяйственными вопросами. «Г» – личная гвардия, точнее, тот самый сего-

дняшний собеседник герцога. А вот кто такой «М», мне неизвестно. Из разговоров герцога понял только, что маг, выпускник академии Морле.

Париж. Королевский дворец. Зал заседаний Королевского Совета

– Его величество король Галлии!

Все присутствующие взмахнули широкополыми, украшенными яркими страусовыми и фазаньими перьями шляпами, склонили головы перед покрытыми тончайшим золотым узором белоснежными дверьми. Сейчас они распахнутся, и в зал степенно, как и положено монарху великой страны, войдет сам его величество король Эдвард IV. Молодой человек, не так давно перешагнувший двадцатилетний рубеж.

А эти взрослые, в основном убеленные сединами мужчины останутся в поклоне до тех пор, пока король не займет свое место на троне и не изволит поздороваться. Лишь тогда можно поднять головы и сесть. Каждый – на определенное ему место. Шляпы должны оставаться в руках.

Так уже более века начинаются заседания Королевского Совета – главного органа управления страной, без одобрения которого его величество не подписывает ни одного хоть сколько-нибудь значимого документа.

Впрочем, в последнее время роль Совета все чаще сводится к одобрению королевских решений, что породило при дворе весьма ехидные сплетни. Мол, господа советчики только и могут, что согласно кивать. Даже прозвище совсем недавно прозвучало: «болванчики». Негромко прозвучало, сквозняком пролетев по гостиним некоторым богатым домов, владельцы которых старались держаться поближе к герцогу Клермонскому, младшему брату его величества.

Теперь пропало. Намертво. А господа члены Совета остались. Почти все тридцать девять человек. Лишь четыре кресла в этом просторном зале остались незанятыми. Но это ненадолго – решение о новых конфидентах уже принято, осталось дожидаться его оглашения. Может быть, уже сегодня.

Такие или, может быть, почти такие мысли промелькнули в непокрытых головах собравшихся, а церемония тем временем началась. Строго по протоколу... нет, все же почти строго.

Его величество буквально ворвался в зал, лишь взмахом руки поприветствовав присутствующих. Сам, смешно подпрыгнув, сел на высокое кресло, начисто проигнорировав специальную подставку. Почти по-детски поболтал ногами, потом вновь вскочил. В другой ситуации и у другой аудитории это могло вызвать смешки.

Увидев, что присутствующие, не желая сидеть при стоящем монархе, остались на ногах, нервно махнул рукой.

– Садитесь, господа. Мне же позвольте говорить стоя. После недавних событий так я чувствую себя спокойней. Знаю, что это недостойная короля слабость, но, надеюсь, в кругу верных соратников я могу наплевать на некоторые условности?

Вопрос откровенно не требовал ответа, поэтому присутствующие лишь улыбнулись. Все они действительно входили в ближний круг Эдварда IV, но лишний раз услышать об этом было приятно. Хотя... четыре пустующих кресла четко указывали на существование исключений.

Его величество сделал несколько энергичных шагов по залу, лишь после этого продолжил:

– Итак, господа. С божьей помощью заговор, организованный моим братом, провалился. Анри сегодня удалился в свой замок, его личный полк распущен. Остальные предатели осуждены и уже завтра получают то, что определил им справедливый суд. Пощады не будет никому.

В зале раздался одобрительный гул.

– Но, господа, встает вопрос – что делать с дворянами, в заговоре не участвовавшими, но плотно общавшимися с герцогом? Его преосвященство, – легкий поклон сидевшему чуть в стороне от других премьер-министру Галлии и парижскому епископу герцогу дю Шилле, надевшему специально для этого собрания элегантный светский костюм, – заверил нас, что измены с их стороны не было, но и уверенности, что они не поддержали бы изменника в случае его успеха, нет. Сейчас вам раздадут списки этих господ.

Эдвард IV все-таки сел в свое кресло, хлопнул в ладоши, и его секретарь, молодой человек лет двадцати, внес в зал заседаний пачку бумаг, раздал каждому по листу. К концу процедуры лишних четырех листов не осталось. Опытным царедворцам стало ясно, что судьбой отсутствующих коллег в ближайшее время интересоваться не следует.

Дождавшись, когда все ознакомятся со списком, король встал.

– Господа члены Совета, я прошу одобрить мое решение направить всех поименованных дворян в изгнание, обязав их покинуть пределы Галлии в месячный срок. Есть ли у кого возражения? Прошу высказываться.

Это был формальный вопрос. Ясно же, что никто из собравшихся не будет против...

– Вы позволите, ваше величество? – С заднего ряда встал молодой мужчина с не по возрасту обильной сединой в волосах и изуродованным шрамом лицом. Не дожидаясь разрешения, он продолжил: – Я прошу исключить из списка мадам де Ворг графиню де Бомон. Ее семья всегда была верна Галлии, и я уверен...

– Ах вы уверены? – голос короля от возмущения сорвался на хрип. Откашлявшись, его величество продолжил: – А я уверен, что не намерен терпеть *в своей*, – он выделил это «в своей», – стране не просто друзей изменника, а еще и жену изменника. Напомнить вам, чего нам стоило предательство де Ворга? А ведь они до сих пор муж и жена! Впрочем... – Король взял паузу, поджал губы и уже холодным, почти ледяным голосом продолжил: – Если у кого-то здесь имеется иное мнение... Что ж, господа, выношу вопрос на голосование. Кто за мое предложение? Кто против? Вы, кажется, остались в одиночестве, виконт де Камбре? Значит, решение принято!

И, бросив гневный взгляд на строптивного члена Совета, широким шагом покинул заседание, громко захлопнув за собой двери.

Часть I

Изгнанница

Глава 1

К полудню 26 января 1626 года от рождества Спасителя суета в замке владетельного графа Амьенского достигла апогея. Слуги сбились с ног, моя, чистая и протирая еще с вечера тщательно прибранные залы, кабинеты и господские комнаты. При этом все боязливо оглядывались, пуце божьей кары опасаясь, что вот сейчас появится прекрасная и ужасная Зухра, рабыня хозяйина замка, и гневно глянет темно-кариими, цвета горького шоколада глазами из-под густых, сросшихся на переносице бровей и выскажет свое недовольство. Хорошо, если просто накричит, а может для убедительности и кулаком в глаз засветить. Могучим, самой природой призванным внушать окружающим уважение и чувство ответственности.

Некогда, лет эдак тридцать назад, граф, который еще не стал владетельным, отправился в Магриб, чтобы купить себе рабыню. Подобный шопинг, доступный лишь избранным мажорам Европы, престижен и, что греха таить, приятен во всех отношениях. По дороге юношескими мечтами богатенького молодца уже завладела некая обворожительная одалиска самых соблазнительных форм в самой соблазнительной позе, случайно подсмотренная на одной из картин в спальне родителей. Лишившая будущего рабовладельца сна в предвкушении неземных удовольствий.

До того момента, пока юноша не оказался на невольничьем рынке Туниса.

И тут случилось неожиданное.

Приятель по экзотическому путешествию уже всю торговался за приглянувшийся товар, придирчиво оценивая округлости и конечности обнаженного движимого имущества, а юный граф де Бомон не мог отвести взор от глаз девушек. Где, казалось, навеки поселились отчаяние и ужас. С каким страхом они смотрели на будущих хозяев, как вздрагивали от взмахов кнута надсмотрщика, который не бил – зачем портить товар? – хватало и щелчков.

Сладкие фантазии? Они исчезли без следа. Осталась лишь растерянность и... жалость? Сострадание? Или что-то еще, недостойное дворянина, разумеется. Но оно было, и с этим ничего нельзя было поделать.

Вот бич торговца взвился в очередной раз и вдруг опустился на тело одной из рабынь, пожалуй, слишком крепкого для одалиски сложения, оставив после себя кровавую полосу на смуглой спине. Остальные взвизгнули, бросились к краям помоста, но под грозными взглядами надсмотрщиков вовремя остановились.

А получившая удар девушка даже не пошевелилась. Лишь бросила на своего мучителя недопустимый здесь презрительный взгляд.

Тот ответил взглядом, полным ненависти. Но, как деловой человек, все же предпринял еще одну попытку сбыть некондиционный товар. Может быть, последнюю.

– Обратите внимание на эту необъезженную кобылку, господа! Дочь воеводы с предгорий Арарата! Женщины из тех краев славятся темпераментом и искусностью в любви! Поверьте, тот, кто сумеет ее укротить, получит незабываемые впечатления!

Несмотря на профессионально-бодрый тон работорговца, его искажившееся лицо и побелевшие на рукояти кнута костяшки кулаков ясно показывали, что, если прямо сейчас не найдется покупатель, участь рабыни будет ужасной. Скорее всего, ее забьют до смерти, на страх остальным экземплярам.

Тогда-то и была совершена сделка – галлийский граф купил себе рабыню.

Когда корабль шел назад, гул парусов, скрип вантов и ругань боцмана заглушались доносящимися из кают благородных отпрысков криками, мольбами и стонами. В этом громком хоре было великое разнообразие тональностей и обертонов. Не было одного – любви.

И лишь из каюты графа де Бомона не доносилось ни звука. О чем говорили молодые люди, что между ними происходило – навеки осталось тайной.

Известно лишь, что по возвращении в замок рабыне была выделена отдельная комната, порога которой впоследствии не переступил ни один мужчина. Кроме некоего сержанта внутренней стражи. Этот статный, широкоплечий красавец, на которого заглядывались многие невесты Амьена, однажды вошел в покои Зухры... и все последующие ночи проводил только там. Много раз предлагал... просил... умолял выйти за него замуж, и всякий раз получал отказ. Мол, рабыне, пусть, как и он, последовательнице Спасителя, не пристало иметь мужа. А четверо детей? Так они, во-первых, любимые, во-вторых, вольные, как и положено родившимся в великой Галлии. А, в-третьих, имеют не только маму, но и папу. Сам отец Симон это подтвердил! Или ты с ним поспорить хочешь, дорогой?

Вначале управляющий замка приставил женщину к уборке, потом... Никто как-то и не заметил, как рабыня забрала в свои крепкие смуглые ручки все хозяйство, став непререкаемым авторитетом для слуг. Независимо от должности... да, в общем-то, и от статуса. Во всяком случае, сам господин управляющий, между прочим – шевалье, даже не пытался отдавать приказы. Лишь советовался, максимум – просил.

Единственным человеком, чей авторитет Зухра признавала безоговорочно, был граф. Став графом владельческим, он оформил документы на освобождение рабыни, но, попытавшись сообщить ей «радостное известие», впервые увидел в ее глазах слезы. И вовсе не радости. Пришлось срочно уверять несчастную, что пошутил неудачно, что и мысли никогда не держал о таком безобразии. Мол, надо же такое придумать, рабыне дать вольную.

С тех давних уже пор подготовка всех самых главных мероприятий в амьенском замке ложилась на крепкие плечи – бывшей? да какая, собственно, разница! – рабыни.

Но вот этот день был особенным даже для нее. Шутка ли – ожидался приезд дочери графа, да еще и с внучкой. Пока единственной и всеми любимой.

Так уж сложилось, что в Париже мадам де Ворг графиня де Бомон, устав от провинциальной тоски, с упоением бросилась в яркий и азартный мир светской жизни и дворцовых интриг. Потому редко гостила у отца и всегда приезжала внезапно, не давая возможности слугам достойно подготовиться к встрече.

Однако в этот раз предупредила заранее и о дате визита, и о сроке. Ровно неделю сможет она пробыть в кругу семьи, после чего, согласно монаршей воле, ей следует покинуть Галлию до того момента, когда его величество изволит сменить гнев на милость. То есть, видимо, навсегда.

Так что готовились к этому приезду с особенным тщанием, чтобы хоть воспоминание о нем надолго осталось в душе.

Даже младший граф Филипп вырвался с воинской службы, чтобы повидаться, а может статья, и проститься с сестрой. Лейтенант разведки Пикардийского корпуса ужом извернулся, но все же убедил начальство предоставить отпуск в самый разгар зимних учений. Или командир корпуса, старинный приятель владельческого графа, позволил себя убедить? Какая разница? Главное, что сейчас вся семья собралась в ожидании.

Каждый нашел себе важное занятие. Кто-то читал давно прочитанные письма, кто-то разбирался с давним-давно разобранными документами. Главное – все господа были при деле. Как иначе – слуги ни на мгновение не должны усомниться в их спокойствии, абсолютной отстраненности от простых человеческих слабостей.

В конце концов графы не выдержали, не сговариваясь вышли во двор и стали обсуждать какой-то, по-видимому, очень важный вопрос прямо посреди дворцовой площади. Почему не в

кабинете? Ну, это-то уж точно их право. Может, прохладно там, а может, наоборот, захотелось проветриться на ледяном, безжалостно обжигающем январском ветру.

Вот наконец с улицы донеслось цоканье копыт и стук колес по мощенной булыжником мостовой. Сердца сжались, но никто из господ даже не повернул головы.

Лишь когда подбежал охранник и, вытянувшись в струнку, доложил о прибытии ее сиятельства графини де Бомон (фамилию по мужу солдат и не подумал назвать), владетельный граф изволил отвлечься:

– Открывайте ворота.

И степенно пошел к центру площадки, с расчетливой небрежностью поправив роскошный фиолетовый бархатный плащ, подбитый соболиным мехом. Встал туда, где и должна была остановиться карета. Сыновья также неторопливо последовали за ним.

Аккуратно ступившая на землю высокая белокурая двадцатипятилетняя женщина, как и приличествует дочери знатного вельможи, присела в изящном реверансе. Однако чинность церемонии была грубо нарушена шестилетней растрепанной девчонкой в мягком и теплом полушубке.

С криком «Деда!» это кудрявое русоволосое чудо бросилось к графу, раскрыв объятия. Пришлось совсем не по протоколу, но с удовольствием подхватить ребенка на руки, обнять, поцеловать и пригласить гостей во дворец. Чтобы сохранить хотя бы видимость бесстрастия.

И лишь в кабинете дать волю чувствам – еще раз поцеловать внучку и крепко обнять дочь.

Потом был долгий разговор. О жизни, об общих знакомых. И о судьбе, что привела дочь к изгнанию.

В зале, несмотря на ярко горящий камин, было прохладно, полузадернутые тяжелые шторы создавали уют. Все сидели в мягких креслах, установленных вокруг невысокого, украшенного изящной резьбой круглого стола. Вино, фрукты и неспешная беседа.

О нестерпимых этой зимой холодах, о здоровье, слава богу – превосходном, и прочих, никого на самом деле не интересующих пустяках. Пока, наконец, не заговорили о главном.

– Итак, Адель, мы все, – граф указал на сыновей, – хотим понять, как случилось, что ты умудрилась попасть в такую немилость к его величеству?

Та наигранно легкомысленно пожала плечами.

– Ну, не в такую уж и немилость, по сравнению с моими знакомыми, которые считали себя счастливыми, если им просто отрубали головы. Участь многих была гораздо хуже.

Граф лишь осенил себя знаком Спасителя.

– Не надо так шутить. Просто расскажи, что случилось.

Дочь глубоко вздохнула и, став серьезной, продолжила:

– Так бывает при дворе, отец. Ты с кем-то сходишься ближе, от кого-то стараешься держаться подальше.

В какой-то момент мне показалось, что младший брат короля – это сильная фигура, протекция которой может оказаться полезной. Да и сам герцог был со мной приветлив, возможно, и равнодушен. Впрочем, совсем уж близко мы так и не сошлись. Во всяком случае, в разговор я посвящена не была, что и спасло мне жизнь. Но мы общались на виду у всего света – он прекрасный собеседник и галантный кавалер...

– То есть основания для такого решения все же были. И что же дальше? В какое изгнание вы намерены направиться?

– Мы?

Графиня внимательно посмотрела на отца, на братьев.

– Не считайте меня плохой матерью, отец, но Иветте лучше остаться здесь, в Амьене. Во всяком случае, пока я не устроюсь на новом месте. Ее-то в изгнание никто не отправлял, а в Лондоне могут возникнуть сложности. Уж в первое время – так точно...

– Лондон?! – резко подавшись вперед, перебил сестру Филипп. – Вот уж где не будут рады графине Амьенской после той неудачной для островитян осады нашего города. Какого демона ты именно туда собралась?

– А почему нет? – Она улыбнулась уже задорно и вновь надела маску разбитной авантюристки. – Святое учение велит искать друзей своих именно среди врагов своих. Кто мы такие, чтобы спорить с великими? К тому же я хорошо знакома с послем Островной империи, лордом Баттенбергом. Он, узнав об изгнании, проявил искреннее сочувствие и даже снабдил рекомендательным письмом к своему кузену, казначею Имперской канцелярии, между прочим. Кстати, предполагается, что именно в его доме я остановлюсь на первое время.

Филиппу осталось только развести руками. Мол, всякого я от тебя ожидал, сестренка, но такого...

– Ты и вправду считаешь, что одно из знатнейших семейств империи примет участие в судьбе родной дочери Амьенского графа? Ты в курсе вообще, что именно Баттенберги активно подталкивали императора к недавней войне?

– Ну... как сказать, братик... Парижский свет давно уже обмусолил эту сплетню. Подумаешь, какая-то война, которая закончилась целых полтора года назад. Мало ли кто тогда кого и к чему призывал. Так что легкомысленной женщине вполне допустимо забыть об этом пустяке. А вот женщине серьезной, к тому же хорошо знакомой с пусть и опальным, но братом короля...

Мадам де Ворг замолчала, наморщила лоб, словно собираясь с мыслями, и продолжила деловым тоном, более приставшим торговцу при обсуждении предстоящей крупной сделки:

– По моим сведениям, дела Баттенбергов идут не слишком хорошо. Их поместья обширны, но расположены на севере Острова, где урожаи не столь богаты, а пастбища могут прокормить меньшее количество овец. Пока семья у власти, можно получать льготы по налогам и пошлинам, но милость нового императора переменчива. И вот на этот случай они рвутся заполучить контроль над торговыми путями из империи в Галлию. Поэтому-то они и вложились в ту войну. В случае победы к ним перешли бы права нашей семьи.

Во время всего разговора владетельный граф сказал от силы пару слов – его будто бы и не интересовала болтовня детей. Сидел в кресле молча, и, если бы не взгляд, который переходил с одного собеседника на другого, могло показаться, что глава семьи спит. Но в этот момент он вступил в разговор. Голосом негромким, неторопливо, словно о каком-то пустяке, он спросил:

– Я правильно понимаю, что после поражения в войне Баттенберги начали искать торговых партнеров в Галлии?

– Да, отец. Во всяком случае, у меня появилась именно такая информация. И я решила ей воспользоваться.

– Ну что же, тогда нам, очевидно, следует обсудить эту ситуацию. Сегодня – в своем кругу, а уже завтра – с шевалье де Ренардом. – Граф привычно усмехнулся над недавно купившим дворянский титул главой купеческой гильдии.

– А деверя его доченьки пригласить не желаешь? – язвительно поинтересовалась мадам де Ворг.

Граф понимающе улыбнулся.

– Не обижайся, Адель. Виконт де Камбре и так навлек на себя немилость его величества, когда заступился за тебя на Королевском Совете. Сейчас встреча с тобой будет откровенным вызовом. Не стоит требовать от него более возможного.

Глава 2

Сказать, что пять дней, проведенные мадам де Ворг в кругу семьи, были посвящены лишь будущим сделкам с островитянами, было бы в корне неверным. Да, эта тема обсуждалась горячо и очень подробно, но молодая красивая женщина просто не могла постоянно сидеть в стенах замка. В конце концов, она не в монастырь приехала!

Да, отец не может устроить в честь нее бал, чтобы не поссориться с королем. Но принять вассалов, желающих нанести визит вежливости своему феодалу, он может! И что плохого в том, что вассалы приезжают группами, в сопровождении жен и уже взрослых детей? А потом все вместе едут на охоту или просто прокатиться верхами по зимним дорогам? И уж было бы просто невежливо, чтобы они не пригласили с собой детей владетельного графа. Сыновья заняты важными делами? Бывает. Но уж дочь точно может принять приглашение!

Ах, она в опале? Ну так до Парижа далеко, и просто невозможно представить, чтобы его величество изволил прогневаться по такому пустяку. Тем более что, хотя Галлией и правит сюзерен, но правило «вассал моего вассала не мой вассал» еще никто не отменил.

Потому каждый дворянин Амьена желал остаться в памяти молодой графини как лучшее воспоминание о родине. И неважно, делалось ли это от чистого сердца или в расчете на будущую благосклонность ее отца. Впрочем, кто сказал, что одно противоречит другому?

А маленькая Иветта? О, за эту юную графиню можно было не беспокоиться! Ее взяла под свою опеку сама Зухра, обрушив на малышку всю мощь самой трогательной заботы.

Знойная красавица, к величайшему удовольствию прислуги, полностью забросила дворцовое хозяйство, целыми днями играла с девочкой, рассказывала непривычные, но безумно интересные сказки, привезенные еще с той, давно покинутой родины. И, разумеется, гуляла. По дворцу, по городу, иногда выезжая в пригород, но тут уж в сопровождении охраны. Не от разбойников, боже упаси. Об этой напасти в Амьене год как слыхом не слыхивали. Просто так всем было спокойнее.

Так что вечером у девочки едва оставались силы на ужин. А уж засыпала она, едва выйдя из-за стола, поэтому в кровать ее приходилось нести на руках.

Четвертый день пребывания молодой графини в Амьене веселая компания решила посвятить спорту – молодым дворянам не терпелось поразить дам своим искусством игры в мяч, напоминавшей знакомый виконту де Камбре по прошлой жизни большой теннис.

На самой окраине города близ местного аббатства, известного на всю страну строгостью своего устава, добрые монахи построили лучший в Пикардии спортивный зал. Местный аббат, державший чад божиих в поистине ежовых рукавицах, все же считал вполне пристойным для слуг Спасителя сразиться на арене в эту простонародную игру, которая, однако, пришлась по вкусу не только людям благородным, но и, по непроверенным, но упорным слухам, самому королю Галлии.

В этот день зал был отдан в полное распоряжение господ, что позволило, может быть впервые за всю историю аббатства, войти в него женщинам. Галантные кавалеры, словно львы, метались по площадке, не забывая, однако, почаще принимать элегантные, или скорее картинные, позы, желая сорвать аплодисменты с нежных ручек очаровательных дам.

Те же, не имея возможности самим выйти на корт, но захваченные спортивным зрелищем, начали делать ставки на игроков, так что пара монахов, отряженных для обслуживания гостей, демонстративно сплюнули и покинули это сборище грешников, лишь по чьей-то ошибке называвшихся последователями Спасителя.

Впрочем, на их уход особо никто и не обратил внимания. Да что там, сама графиня, раскрасневшаяся от азарта, поднимала и поднимала ставки на некоего юношу, выигрывавшего одну партию за другой. Ну до упреков ли святош тут было, в самом-то деле!

Мяч летал над сеткой с такой скоростью, что зрители едва могли за ним уследить. Как игроки умудрялись не просто отбивать, но направлять его точно и сильно в неудобную для противника часть площадки, вообще невозможно было понять. Магия? Ничего подобного, ее дворяне заметили бы сразу.

Только мастерство, безупречная координация, хладнокровие и точный расчет. Тяжелые тренировки и отмеренный природой талант.

Вот фаворит в каком-то невозможном прыжке дотянулся ракеткой до снаряда и переправил его в дальний угол. Туда, где противник уже никак не мог его перехватить. Все! Партия практически выиграна! Остался последний розыгрыш, но, собственно, всем уже все ясно, и без пяти минут... да какое там – без пяти секунд победитель поворачивается к зрителям, галантно раскланивается. И не видит, как соперник подает. Пущенный пусть и не столь умелой, но сильной и верной рукой тряпичный мяч с зашитым в нем камнем летит со скоростью пули и попадает фавориту прямо в голову, рассекая кожу на лбу.

Глухой удар, и молодой человек падает на песок арены, зажимая рану и обливаясь кровью.

Все вокруг растерянно замерли, и лишь графиня, совершенно не по-женски перепрыгнув через ограждение, подбежала к несчастному и приложила в его голове лечащий амулет. Некую пикантность этой сцене добавило то, что заговоренный камень был извлечен из декольте. То ли заключенная в амулете магия, то ли еще сохранившийся на нем запах разгоряченного женского тела почти мгновенно излечили несчастного. Во всяком случае, на разочарованном лице соперника откровенно читалось желание поменяться местами с пострадавшим.

Тут же компания дружно решила, что произошедшее – знак свыше, однозначно указывающий на необходимость сделать перерыв в спортивных экзерцициях и отдать должное вину и закуским. А те уже были разложены проворными слугами под навесом на живописном склоне холма, с которого можно любоваться на причудливый изгиб покрытого льдом Авра, разрезающего долину, отделяя изумрудные поля озимых от густого леса, мрачного даже в лучах яркого январского солнца.

Молодые люди удобно расположились на кое-как сколоченных из грубо струганных досок лавках, начисто игнорируя опасность испачкать дорожную, специально для этой встречи надетую одежду. Вино разлили по бокалам, и пострадавший на правах спасенного провозгласил первый тост. Разумеется, в честь прекрасной спасительницы.

В иной ситуации дамы недовольно поморщились бы, но сейчас, когда всем известно, что графиня уедет из этих мест уже через три дня и навсегда, а с ее отцом надо поддерживать самые лучшие отношения, ревность была задавлена на корню. Так что улыбки всех присутствующих были вполне искренними.

Вот только выпить было не суждено.

На поляну верхом на кауром жеребце влетел граф Филипп.

– Адель, Иветту похитили!

Дамы дружно, словно по команде, ахнули. Кавалеры вскочили, кто был при шпагах – схватились за эфесы, остальные сжали кулаки... и все замерли. Надо куда-то бежать, что-то делать, но куда и что?

И лишь графиня неспешно поднялась, совершенно спокойно, как всем показалось, подошла к брату.

– Как это произошло?

– Зухра вывела ее из дворца на прогулку. Прямо на ратушной площади налетели всадники. Зухру зарубили, девочку схватили и увезли, никто даже не успел ничего понять.

– Ясно.

Она неторопливо подошла к коновязи, отвязала первого попавшегося под руку скакуна.

– Господа, я вынуждена вас покинуть.

И, вскочив в мужское седло, начисто проигнорировав нелепо задравшееся платье, оголившее стройные ноги, так ударила лошадь пятками по бокам, что та сразу ушла в галоп. Филипп едва успел догнать сестру.

Они буквально влетели на площадь. Графиня, резко осадив лошадь, ловко спрыгнула на землю, немного запуталась в длинном платье, но устояла. Подошла к стоявшим в стороне отцу и старшему брату.

– Как это произошло? – повторила она свой вопрос.

Отец посмотрел на дочь и удивился ее спокойствию. Ровный голос, ровное дыхание, никаких дрожащих рук и приличествующей ситуации бледности лица. Лишь губы сжаты плотнее обычного, словно у бойца в смертельном поединке.

– Три всадника, стояли в том переулке. – Он указал на дальний угол площади. – Как только Зухра с Иветтой вышли из ворот, они налетели. Один ударил шпагой Зухру... Как только она после этого умудрилась сдернуть нападавшего с лошади? Да, двое других схватили Иветту, ускакали в том направлении.

Граф указал на улицу на другой стороне площади и продолжил:

– Коней похитители бросили, куда делись потом – неизвестно. Розыск ведется, но пока... Да, а тот, кого перехватила Зухра, мертв. От чего – пока не знаю.

– А поисковый амулет? Дочь же с ним не расставалась?

– Валялся на мостовой, эти сволочи о нем наверняка знали.

Демон! Что же делать?

Графиня осмотрела площадь.

Стража замка бесцеремонно вытеснила толпу. На мощенной булыжником мостовой лежат два тела.

Мужчина и женщина. Под мужчиной лужа крови. Мертв. Это ясно. Над женщиной склонились люди.

В стороне – группа мужчин, что-то обсуждающих. Среди них интендант полиции и его правая рука – Гурвиль. Да, виконт де Камбре тоже с ними. Стоит с умным видом, что-то говорит. Вот посмотрел на нее, на мгновение задержал взгляд... и вновь продолжил разговор с полицейскими. Неспешный такой, вполне себе мирный, словно ничего особенного и не произошло.

К ним подходят еще какие-то люди, что-то говорят, что-то выслушивают и уходят. Это спокойствие буквально взбесило графиню, у которой, казалось, вот-вот разорвется сердце. Хладнокровие? Если бы!

Внутри все клокотало, хотелось плакать, кричать от боли и страха! И лишь высокий статус да уроки, полученные от предавшего, давно не виденного, но тогда еще любимого мужа, удерживали от банальной бабской истерики. Как он говорил? «Крики и слезы никогда и ничему не помогут. Лишь ясность мысли, выдержка в любой, самой безнадежной ситуации, дают, пусть часто и мизерный, но шанс на победу».

Значит, руками, зубами сжать бешено колотящееся сердце и... Что делать? Чем помочь? Вон на булыжниках мостовой лежит женщина. Зухра? Над ней склонился врач... Жива? Туда, быстро!

– Как она?

– Пока жива, но без сознания, – врач даже не поднял головы, продолжая колдовать в попытке затянуть страшную рану. – И то только потому, что ваш отец и братья отдали лечащие амулеты – моих сил не хватает. Вашим можно воспользоваться? – Он не глядя протянул руку, уверенный, что ему не откажут.

Графиня передала свой не раздумывая и лишь потом вспомнила, что недавно полностью израсходовала его на лечение совершенно не опасной раны пусть и симпатичного, но совершенно постороннего человека.

Осталось только уйти. Как учил муж: «Если ты здесь ничего не можешь сделать, значит, тебе не следует здесь находиться. Наблюдатели лишь мешают тем, кто действительно работает».

И она пошла в замок. Жесткой, резкой походкой злого на собственное бессилие человека.

Вечер, ночь... Она даже и не ложилась – какой тут сон... Разговаривать с родственниками? Да о чем, господи? Новости ей сообщили бы сразу. Оставалось вышагивать из угла в угол по опостылевшим, еще вчера уютным покоем. Одиннадцать шагов по диагонали в зале. В спальне обойти кровать – двадцать два шага. Одиннадцать, двадцать два... одиннадцать, двадцать два...

Можно еще постоять у окна, посмотреть, как галопом подъезжают всадники, бегом мчатся во дворец... Нашли? Что-то узнали? Нет. Через короткое время они выбегают назад и, вскочив в седло, уносятся куда-то в город. Пусто. Страшно. Вновь одиннадцать шагов, двадцать два... одиннадцать... двадцать два.

Забрезжил рассвет... светает... Первый солнечный луч прорезал утреннюю серость, сверкнув меж шпилями амьенского собора, даря надежду... или... или все же?!

Ворота замка открылись без положенного доклада! Впервые на памяти графини часовой даже не подумал доложить о прибывшем. Значит...

По усыпанной гравием дорожке к парадному входу во дворец ехал незнакомый всадник, прижимавший к груди... Иветта!!!

Она бросилась в коридор, не помня себя сбегала по лестнице... Вперед, вперед, во двор! Степенность, размеренность? Да видала она их! Там же дочь!

Отец и братья выбежали чуть раньше. Вполне одетые, лишь дублеты застегнуты не на все пуговицы.

А девочка уже стояла на земле. Рванулась к деду, но, увидев маму, побежала к ней. Обняла за ноги, расплакалась... растрепанная, дрожащая... родная.

– ...мне просто повезло. Вы знаете, девочку искал весь город, но повезло мне.

Графиня только сейчас услышала голос всадника. Он говорил на хорошем галльском языке, но с сильным островным акцентом.

– Я с двумя охранниками решил проверить один подозрительный дом неподалеку от нашего ночлега. Он неделю стоял пустой, но этой ночью я увидел в выбитых окнах отсвет огня. Нас встретили пистолетными выстрелами, мои люди погибли, но девочку удалось спасти.

Одетый в добротную дорожную одежду худошавый высокий мужчина. Жилистые руки бойца. Вообще-то не красавец, но в этот момент для счастливой матери он был самым лучшим человеком на земле. Наплевав на этикет, она бросилась ему на шею и поцеловала! Впрочем, в щеку. Но и от этого поступка остолбенели и родственники, и слуги. Даже солдаты на постах, пусть на мгновение, но забыли свои обязанности, пораженные небывалой в замке сценой.

– Кхе... м... с кем имею честь? – поинтересовался первым пришедший в себя владетельный граф.

– О, простите, я не представился. Сквайр Гиллмор, к вашим услугам, господа! – Несмотря на торжественность фразы, сказана она была голосом бесконечно уставшего человека. – Прошу простить мою невежливость, но, – он тяжело вздохнул, немного помолчал и виновато развел руки, – я сильно устал. Позвольте откланяться.

– Ни в коем случае! Располагайтесь у нас, отдыхайте. Эй, кто там! Покои нашему гостю!

Управляющий сорвался с места, разом забегали слуги, и уже через пять минут в распоряжении сэра Гиллмора была светлая и уютная комната с растопленным камином, с застеленной свежим белоснежным бельем кроватью.

Глава 3

Все хорошо, что хорошо кончается!

Похищение и чудесное спасение Иветты дало владельческому графу прекрасный повод устроить бал, не навлекая на себя гнева его величества. В самом деле, торжество не для опальной дочери, а в честь благородного дворянина, жизнью рисковавшего для спасения из лап разбойников любимой внучки.

Разумеется, наивным человеком граф не был. Слова сквайра Гиллмора были скрупулезно проверены, проведено тщательное расследование полицией и даже контрразведкой, по результатам которого оба ведомства дали общее заключение – так все и было.

То есть, кто именно и зачем похитил девочку, установить не удалось – все злодеи были убиты. Но остальное подтвердилось полностью. Действительно, сквайр прибыл в Амьен по делам торговым, что для имперских дворян было делом обычным. Привез караван с дорогим бристольским стеклом и неделю отчаянно торговался с ушлыми местными купцами. Товар держал на большом, специально снятом подворье, где и он поселился вместе с шестью бойцами охраны.

Пустующий дом, в котором похитители держали девочку, расположен в пределах прямой видимости от того подворья, и, соответственно, внимательный человек запросто мог заметить неожиданно мелькнувший в оконном проеме отсвет свечей. А свечные огарки и впрямь нашлись.

Девочку охраняли трое. В злополучном доме нашли их трупы, прошитые пистолетными выстрелами.

И людей Гиллмора, также застреленных из пистолетов. Оружие всех убитых было на месте, картина произошедшего полностью соответствовала рассказу спасителя.

Иветта вообще ничего рассказать не могла – то ли от страха, то ли от усталости, но во время скоротечной схватки она спала. Однако и без этого правдивость слов эсквайра была очевидна.

Погибших охранников похоронили с почестями на городском кладбище, похитителей – за оградой в общей яме, где хоронили казненных, нищих, актеров и прочий подлый сброд.

Зато почести сэру Гиллмору оказывались почти королевские, впрочем, вполне заслуженные. Восхищенная отвагой героя мадам де Ворг и вовсе старалась проводить в его обществе как можно больше времени.

Нет, все было в строгих рамках приличий, обязательно на виду если не у родственников, так хотя бы доверенных слуг. Чтобы ни у одного, вплоть до самого зловредного, вассала, даже мысли не возникло о неподобающем адюльтере.

Тем не менее этот не слишком знатный дворянин оказался действительно интересным собеседником. Не очень хорошо зная островной высший свет, он много и интересно рассказывал об обычаях и нравах жителей страны, где графине предстояло поселиться. О законах писанных и неписанных.

И, что важно, об особенностях островной торговли как в метрополии, так и в многочисленных колониях. Ведь у изгнанницы просто не просматривалось другого пути, как самой заняться купеческим ремеслом. Да, с помощью родственников и тех же амьенских купцов, которые по намеку отца уже начали готовить будущие сделки.

Но и помощь такого вот осведомленного островного дворянина никак не могла оказаться лишней.

– Вообще, самой прибыльной является торговля рабами, – развивал свою мысль сэр Гиллмор, сидя перед жарким камином в укрытом толстыми и чистыми стеклами зимнем саду, устроенном внутри графского замка, благоухающем в этот стылый февральский день. – Только

представьте, Адель, – они и сами не заметили, как стали общаться по имени, – за бесценок, за какие-нибудь цветные стекляшки, на которые так падки африканские корольки, забиваете трюм корабля черным скотом, везете в заморские колонии и продаете там за полновесное золото. Только золото, ни в коем случае не за серебро. Вот где настоящая прибыль! Лишь бы черномазые не слишком часто дошли в море.

– Тем не менее, Харди, вы сами предпочитаете торговать стеклом, – с сомнением ответила собеседница.

– Сейчас – да. А два года назад торговал оловом, а до того – сукном. У нас невозможно просто так, по желанию, заниматься тем или иным делом. На лестницу ведь не запрыгивают, а поднимаются по ступеням. Ты должен заработать капитал, авторитет, имя, в конце концов. Доказать, что умеешь соблюдать правила, не будешь ломать рынок. Конкурировать, но в общепринятых рамках. А выскочку, поверьте, очень быстро сломают, пустят по миру, если вообще в живых оставят.

– То есть я, графиня, должна начать с торговли сукном, чтобы лишь потом, через бог знает сколько лет, быть допущенной до оловянных сделок? Не могу сказать, что мне это нравится.

– Начать придется с торговли шерстью, причем с мелких партий. – Сквайр улыбнулся. – Точнее, пришлось бы, если б не друзья. Вы ведь, ваше сиятельство, едете не на пустое место. Баттенберги запросто поднимут вас на любую, хоть самую высокую ступень этой пирамиды.

Дзинь! Слово в голове колокольчик звякнуло. А ведь о своих делах с этими лордами она рассказывала лишь отцу и братьям. Впрочем, Гиллмор мог получить эту информацию и на Острове. Мало ли какие у него там связи. В конце концов, откуда недоверие к спасителю дочери?

И, легкомысленно махнув рукой, словно отгоняя глупую мысль, графиня продолжила беседу.

– То есть мне достаточно закупить стекляшек, оплатить перевозку, ну и поделиться с партнерами, – она все же не стала называть Баттенбергов, – и можно торговать рабами?

– Ну уж нет! Для этого дела надо иметь свой корабль. С решительным капитаном, сплоченной командой, способной держать в кулаке скотину, готовую устроить бунт при первом удобном случае. Управлять парусами быдло, разумеется, не может, но поверьте, легенда о «Летучем датчанине» родилась не на пустом месте. Не раз уже моряки находили корабли с вырезанными экипажами и сдохшими от жажды и голода черномазыми. Эти твари вначале убивают и лишь потом думают, что будут делать со своей призрачной свободой.

– Как же таких можно использовать? Зачем они нужны?

Гиллмор равнодушно махнул рукой.

– Они привычны к климату Нового Света и все же более приспособлены к осмысленному труду, чем аборигены. У тамошних плантаторов давно отработаны способы приведения негров к порядку. А главное – это не наша забота. Дело торговцев – загрузить товар в Африке, сбыть его в Америке и решить, как лучше использовать прибыль. Кстати, вы...

Договорить ему не дали. В беседку вошел Филипп.

– Зухра умерла.

И сразу графине стали неинтересны вопросы торговли. Одна мысль, до того прятаясь на самом краешке сознания, в этот момент вытеснила все остальные.

«А ведь не потратить я свой амулет на пустяковую рану постороннего человека, она могла бы жить. Женщина, до конца бившаяся за мою дочь. Если бы она не схватила того нападавшего, ее бы не убили. А Лукас не смог спасти Иветту. Зато там, в спортивном зале, я выглядела ну очень благородно».

Глава 4

Отпевали Зухру в замке, в маленькой семейной церкви, где обычно лишь крестили детей да провожали в последний путь членов семьи. Святые со скорбными лицами строго взирали на присутствующих.

Рядом с гробом стояли графы Амьенские, управляющий замка, маг и казначей. По другую сторону замер могучий мужчина в простой кожаной куртке с нашивками сержанта внутренней стражи. Сжав кулаки, поджав губы, опустил голову, не обращая внимания ни на что вокруг. Он не отрывал взгляда от... жены? Какая разница? От любимой, без которой непонятно, как дальше жить.

Слуги, не смея приближаться к господам, расположились чуть дальше.

Едва священник начал читать заупокойную молитву, в зал вошел виконт де Камбре в черном сюртуке и черных штанах. Мадам де Ворг вспомнила, что когда-то этого человека называли Черным бароном. Давно.

С ним под руку женщина. Черное платье не скрывает округлившийся живот. Что же, жизнь продолжается. Видимо, виконт, не сумев поймать похитителей, решил таким образом проявить участие. Мол, смотрите все, какой я весь из себя благородный. С беременной женой явился на похороны.

Однако надолго его благородства не хватило. Не дождавшись конца обряда, он, что-то шепнув супруге, ушел из церкви, оставив ее одну. И даже не взглянув на графиню.

Когда обряд закончился, виконтесса подошла к графам, начала говорить что-то о соборезновании, но внезапно покачнулась и, несомненно, упала бы, если б граф Филипп не подержал. Женщину срочно отправили приходить в себя. Служанки отвели ее в свободную комнату, помогли раздеться и уложили на кровать.

А все остальные поехали на кладбище.

Когда возвратились, мадам де Ворг первым делом пошла проведать дочь. Убедилась, что девочка уже отошла от страшного приключения, повеселела и даже успела напроказить, заперев здорового замкового кота-крысолова в своей спальне. В отместку свободолюбивое животное, разозленное подобным отношением, устроило погром и разорение, порвав простыни и разбросав посуду, слава Спасителю – серебряную, небьющуюся.

Отругав проказницу и успокоив слуг, графиня пошла познакомиться с гостьей. Полтора года назад свадьба виконтессы де Ри и простолюдина Жана Ажана наделала много шума в высшем свете, месяц, пожалуй, оставаясь любимой сплетней всех парижских салонов. А уж когда выяснилось, что Ажан на самом деле барон де Безье, да еще награжденный всеми высшими наградами страны... А уж когда он стал виконтом де Камбре... Впрочем, для мадам де Ворг он навсегда остался Жаном.

И не виделись они почти два года. Да, Жан приезжал в Париж, но лишь по делам, изо всех сил избегая светской жизни. Пару раз, правда, мелькал на королевских балах, но именно что мелькал – появлялся ненадолго и уезжал настолько быстро, насколько позволял этикет.

Казалось бы, вельможа такого уровня просто обязан блистать в обществе, хотя бы для того, чтобы порадовать жену. Нет, правда, найдется ли хоть одна женщина, не желающая кружить мужские головы в самом блистательном дворце мира?

Как оказалось, одна такая нашлась. И теперь покинуть Галлию, не познакомившись с ней, было бы обидно.

Уже в коридоре, на подходе к комнате мадам де Камбре, она услышала голоса. Разговаривали, нет, скорее весело болтали, двое. Женщина, очевидно, виконтесса, и... ну да, младший братик. Филипп. Граф де Бомон. Причем называли друг друга по именам! Хотя... точно! Отец виконтессы возглавлял клиссонскую академию, где учился Филипп. Они запросто могли

быть знакомы. Сколько ей тогда было? Лет десять? Если не меньше. Тогда все верно, можно разговаривать и вот так, наплевав на условности.

Что же, раз так, то и мы наплюем. Кто нам запретит?

И графиня открыла дверь, даже не подумав постучаться.

Очень интересно. Больная, которой полагается лежать бледной, тихой, максимум – тихо постанывать, покраснелась, глаза блестят. Уселась на кровати, положив подушку перед собой, уперлась в нее локтями. Плохо ей, куда уж хуже!

Но надо же сыграть гостеприимную и заботливую хозяйку.

– Как вы себя чувствуете, виконтесса? Надеюсь, лучше.

– Просто отлично! Филипп, позволь мне одеться.

И, дождавшись, когда мужчина вышел, легко встала, почти вскочила с кровати и по-мужски протянула руку.

– Меня Сусанна зовут, рада познакомиться. Жан много рассказывал о вас.

Пришлось протягивать руку в ответ.

– Адель. Интересно, что же именно он рассказывал?

– О, многое. О вашем путешествии из Тулузы в Амьен и из Амьена в Париж. О ваших воспитанницах. Кстати, все они уже выросли и неплохо устроились, Жан внимательно следит за их судьбой.

Графиня смутилась. Об этих девочках, в судьбе которых она в свое время приняла самое серьезное участие, после отъезда из Амьена даже не вспоминала. Правда, к тому времени те стали почти взрослыми, но именно что почти. А Жан, значит, не забыл. Наверняка как-то помогал, но в своем стиле, не выходя на первый план.

Стоп! Да ведь и сегодняшний случай с беременной женой тоже наверняка его придумка. Проверим.

– Я правильно понимаю, что никакого обморока в церкви не было?

– Абсолютно. – Виконтесса даже не попыталась изобразить смущение. – Нам действительно надо поговорить. Жан хотел бы лично, но вы же понимаете...

– Боится за карьеру, разумеется?

– Зря вы так, – обиженным тоном ответила Сусанна, ловко самостоятельно надевая платье. – Ему и вправду следует опасаться королевского гнева. Тем не менее он настоял на нашем с вами разговоре.

– Вот как? – Графиня удивленно подняла брови. – Ну, раз даже настоял, то я вас внимательно слушаю.

И в подтверждение своих слов она подчеркнуто аккуратно села на стоявший посреди комнаты стул, на котором только что сидел ее брат, и сложила руки на коленях, словно прилежная ученица перед строгим учителем.

Виконтесса легкой улыбкой отметила едкий сарказм собеседницы, но и только. Желаете иронизировать, ваше сиятельство? Ну-ну, посмотрим, что будет дальше.

– Я должна ознакомить вас с результатами расследования. Не теми, разумеется, что были официально объявлены недавно в торжественной обстановке – здесь все ясно: сэр Гиллмор – герой, с риском для жизни вырвавший девочку из рук ужасных похитителей, личности которых так и не удалось установить, бла-бла-бла, бла-бла-бла.

– А что не так? – В другой ситуации графиня на этом бы разговор и закончила. В самом деле, что за наглость – ставить под сомнение очевидные вещи? Но обрывать разговор со знатной гостьей как-то невежливо, что ли. Придется дослушать.

– Многое не так. Дом, где остановился Гиллмор со своим караваном, был снят за неделю до его приезда. И в тот же самый день был арендован дом, где прятали Иветту. С хозяевами домов разговаривали разные люди, но ни одного из них после происшествия не удалось найти.

– И что? Для купцов нормально заранее арендовать место для постоя. А похитители, видимо, заранее знали время моего приезда в Амьен – тут нет никакого секрета, к нему весь замок заранее готовился.

– Верно, – кивнула Сусанна. – Вы не позовете служанку зашнуровать платье?

Запросто... вот только отвлекаться не хочется.

– Сидите, Сусанна, я сама вам помогу.

Ну да, интересно же, что Жан еще придумал.

– Спасибо. Ладно, пусть одновременная аренда домов – совпадение, но оно не единственное. Плата за оба дома была внесена новенькими, недавно отлитыми галлийскими динариями. Ладно, пусть тоже совпадение. Рассмотрим обстоятельства похищения.

Графиня кивнула в ответ, а про себя подумала, что собеседница повторяет за мужем почти дословно. «Обстоятельства похищения» – точно его словечки.

– Итак, нападавшие сразу сорвали с девочки поисковый амулет. А ведь он выглядит как простая пуговица, каких много на детском платье.

– Среди них был дворянин, который увидел его магическое свечение, – ответ нашелся мгновенно.

– Нападавший, которого успела схватить Зухра, умер не от падения и не от оружия. Его убили заклятием. Наповал. Обычный дворянин на такое не способен. Только маг, но ведь маги не занимаются такими гнусностями, как похищения девочек, они для этого слишком богаты.

– Убивающий амулет?

– Именно. В кулон, который носил погибший, было вложено смертельное заклятие. У его сообщников были такие же. Но согласитесь, похитители готовились тщательно, были предусмотрительны.

– Да. И что?

– А то, что в том доме их всех убили из пистолетов в упор. Жан нашел на телах характерные круглые кровоподтеки, какие бывают, только когда стволы касаются тел. Как он сказал... штанц-марки какие-то. Да и сами раны... выстрелы с расстояния хотя бы в шаг таких не оставляют. В общем, он много объяснял, но я, честно сказать, не запомнила. Главное – осторожные и предусмотрительные похитители подпустили к себе людей Гиллмора вплотную. Вы в это верите?

– Ну... – мадам де Ворг замялась, – всякое бывает. Возможно, они действительно не заметили освободителей? В конце концов, это же были профессиональные охранники...

– Охранники караванов. Жан говорит, что умение бесшумно проникать в здания в число их умений не входит. И в этом ему можно верить.

– Знаю...

Графиня действительно знала. Знала, что пять лет тому назад, в савойскую кампанию, Жан, тогда еще барон де Безье, воевал в составе роты охранников караванов, даже командовал ими в той битве при деревне Фадж, где погибла почти половина той роты.

Да, здесь ему верить можно, хотя и не хочется. Сэр Гиллмор, он такой благородный, такой... Что там еще говорит эта девочка?

– ...охранники сэра Гиллмора были убиты с приличного расстояния, метра три, не меньше.

Мадам де Ворг пропустила часть фразы, но и того, что услышала, уже достаточно – такого быть не могло. Охранники, получив смертельные ранения, не могли подойти к своим жертвам вплотную, чтобы стрелять в упор. И не могли получить ответные выстрелы от убитых ими в упор похитителей. А значит, вся история рассыпалась как картонный домик.

– Гиллмор, – она намеренно пропустила «сэр», – убил своих?

Сусанна пожала плечами.

– Кто знает? Или сам, или его помощники, которым и он, и его охранники доверяли безоговорочно. Но кто-то потратил огромные деньги, чтобы вы слепо поверили Гиллмору, – она тоже пропустила титул. – Значит, вас, Адель, втягивают в серьезную игру. Представляете, какие в ней ставки, если только для того, чтобы вы всего лишь прониклись доверием к нужному человеку, положили пятерых – Жан уверен, что тот, кого остановила Зухра, был тоже убит своими.

Графиня надолго замолчала и еще раз внимательно присмотрелась к собеседнице. Как о ней говорили в обществе? Наивная дурочка, очертя голову побежавшая за романтическим мужчиной? В этом были убеждены все. Кроме юной маркизы де Фронсак, но кто всерьез воспринимает эту язву?

М-да, на дурочку виконтесса не похожа, дурочке Жан никогда бы не доверил такой разговор. Интересно.

– А с чего вообще виконт решил меня предупредить? Да еще разыграв целый спектакль?

– Не знаю. – Сусанна встала, посмотрела прямо в глаза графине. – Может быть, потому, что считает себя вашим другом?

И, не дождавшись ответа, сказала, заканчивая разговор:

– Спасибо за помощь, мне пора.

Улыбнувшись, присев в подчеркнуто вежливом реверансе, и вышла из комнаты. Пошла по дворцу уверенно, как человек, неоднократно здесь бывавший.

Графине осталось лишь смотреть вслед и сожалеть, что долго не бывала в родном городе, где жизнь, оказывается, была совсем не скучной.

* * *

А через день мадам де Ворг графиня де Бомон покинула Амьен, чтобы удалиться в изгнание согласно монаршей воле. Уезжала в Кале в сопровождении молоденькой, еще в Париже нанятой служанки.

Иветта оставалась с дедом, который решил, что по крайней мере первое время внучке следует пожить в родовом замке, пока мама не обустроится в чужой стране. А поскольку даже примерная дата этого события была известна только Спасителю, который, по обыкновению, ни с кем не поделился своей тайной, расставание было отмечено поцелуями, слезами и клятвами о встрече при первой же возможности. То есть всем тем, чем легко делятся женщины любого возраста.

Сквайр Гиллмор, сидя на породистом гнедом жеребце с явными признаками восточной крови, терпеливо ожидал окончания этой то ли церемонии, то ли обряда, лишь изредка позволяя себе бросить нетерпеливый взгляд на спутницу. Да, было решено, что графиня отправится на Остров с его караваном – пусть грабежи на пикардийских дорогах, бывшие еще недавно бичом провинции, и прекратились, но отдельные шайки ближе к побережью еще пошаливали, позволяя себе нападать на одиноких путников. Их хватали, вешали безжалостно, но полностью вывести эту заразу пока не удалось.

Вообще, у Гиллмора все сложилось удачно – буквально на следующий день сам глава купеческой гильдии города выгодно выкупил сразу весь привезенный товар и тут же продал островитянину партию шелка, обещавшую немалый доход уже в туманном Лондоне. Злые языки, правда, нашептывали, что в сделке тайно поучаствовал владетельный граф, не пожелавший обидеть благородного джентльмена банальной оплатой, но кто верит злым языкам? Ибо прибыль, как всем известно, священна, а истинные дворяне совершают подвиги вовсе и не за деньги. Им вполне достаточно благодарного взгляда прекрасной дамы. Желательно богатой... Стоп, стоп! Я же сказал, что деньги здесь ни при чем!

Кроме того, всем спокойнее, когда безопасность знатной дамы обеспечивают благородный дворянин и охранники каравана, уже доказавшие свою решительность.

Да и сама мадам де Ворг не скрывала приязни к спасителю дочери. Нет, ни о каком адюльтере здесь не могло быть и речи – слишком велика пропасть между графиней и сквайром. Но удовольствие от общения получали оба, а что может быть лучше в дальней дороге, чем хорошая компания!

Нагруженная карета, в которую запрягли пару могучих коней, годных более всего для неспешной перевозки тяжелых грузов, стояла посредине дворцовой площади, терпеливо снося мелкий февральский снег. Что же, чернь говорит, что дождь к отъезду – примета хорошего путешествия. Будем считать, что и снег принесет удачу.

Но вот все слова сказаны, слезы пролиты и поцелуи розданы. Графиня в коротком полубубке и теплом костюме для верховой езды начисто проигнорировала открытую дверь кареты и легко, едва коснувшись ногой стремени, взлетела в седло великолепного жеребца необычной, вороной с рыжими подпалинами масти.

Конь, почувствовав твердую руку опытной наездницы, послушно, но ни на мгновение не потеряв гордого вида, пошел вперед сдержанным шагом. Однако в каждом движении жеребца читалась готовность в любой момент сорваться в самый бешеный галоп.

– Сквайр, поехали! – графиня улыбнулась спутнику, весело подмигнула и кивком предложила двигаться рядом.

Не ожидавший подобной лихости от спутницы, за все дни знакомства демонстрировавшей лишь обычные для утонченных дам переживательность и чувствительность, Гиллмор удивленно поднял брови. Потом, вспомнив, какие сплетни ходили вокруг этой особы, решил, что не все они придуманы досужими болтунами. Тоже улыбнулся, вскочил в седло и послал своего коня вперед.

Часть II Курьер

Глава 5

*Кабинет епископа дю Шилле,
премьер-министра Галлии*

– Доклад из Лондона, ваше преосвященство.

Парижский епископ резко встал из удобного мягкого кресла, но даже не попытался сделать шаг. Просто протянул руку, зная, что собеседник сам подойдет и вложит в нее документ.

Так и произошло – маркиз де Шутт, руководитель разведки Галлии, сделал два шага вперед и передал лист бумаги. Вставать ему не пришлось – беседовать сидя именно с этим епископом решались лишь герцоги, да и то не все. Только те, что являлись прямыми родственниками его величества. Остальным – не по чину. Не потому, что епископ, а потому что премьер-министр, безжалостный сатрап для врагов короны и великий государственный муж для всех остальных.

Высокий худошавый пятидесятилетний мужчина привычным жестом поправил бордовую шелковую сутану, пригладил тщательно завитые жидкие седые волосы, по-прежнему стоя прочитал документ, слегка щуря глаза. И в упор, сверху вниз посмотрел на собеседника.

– Плохо. Лондонский резидент пишет, что островитянам стало известно о наших планах. Фактически речь идет о срыве операции, в которой изволил поучаствовать сам король. Мне следует готовить доклад о провале?

Де Шутт не отвел взгляда.

– Не думаю, ваше преосвященство. Островитянам известно, что к ним в ближайшее время придет наш человек для выполнения особо важного задания. Но какого? Кто придет? Не знают даже, будет ли это вербовка, или продолжение уже начавшейся работы с ценным агентом, или что-то иное.

– Присаживайтесь, маркиз, – епископ указал на стоявшее рядом кресло.

А сам отошел к заваленному бумагами рабочему столу, внимательно, никуда не спеша, перебрал документы, пока не нашел один, довольно объемный.

– Вот, ознакомьтесь. – Он протянул его собеседнику. – Это часть отчета пикардийского интенданта.

– Де Камбре?

– Именно. Как видим, он умудряется быть полезным, даже не участвуя в деле.

Де Шутт не ответил, погрузившись в чтение. Потом надолго задумался. Хозяин кабинета терпеливо ждал.

– Интересно. Островитяне убеждены, что мы посылаем связника. Что же, агент, на связь с которым специально направляют человека из Парижа, не может быть мелким таможенным клерком. Ясно, что речь идет о влиятельном вельможе. И общаться он будет лишь с равным. Много ли таких галлийцев приезжает на Остров в ближайшее время? Боюсь, что только один. И именно к нему, как пишет де Камбре, они уже подвели своего человека.

– Так мы докладываем о провале? – повторил вопрос епископ. Очевидно, сейчас для него это было самым главным.

– И все же – нет. Мы дали команду замереть, прекратить всякие активные действия. И уже подготовили операцию прикрытия. В ближайшее время в лондонскую резидентуру выезжает наш связной. Псевдоним «Странник», но... мы назвали его Бараном.

– То есть?

– Жертвенным бараном. Он обречен на провал вместе с еще одним агентом, которого, мы в этом уверены, нам подставили островитяне. В молодости воевал, в бою попал под магический удар, последствия которого не смог залечить до сих пор. Перешел на дворцовую службу, где много для нас интересного знает. Намного больше, чем зарабатывает. Действительно знатен, так что все известные островитянам условия будут соблюдены. Клянусь, они будут счастливы, схватив нашего человека!

– Но поверят ли? Серьезный человек едет только для связи? Не имея никакого другого поручения?

Разведчик отвел взгляд, задумался. Продолжил неторопливо, осторожно, словно лоя реакцию епископа на каждое свое слово.

– Есть у меня одно предложение... – Пауза. – Не так давно де Камбре прислал письмо... – Пауза. – Предлагает организовать операцию по активизации конфликта между императором и парламентом...

Дю Шилле фыркнул.

– Можно подумать, что нам эта гениальная мысль в голову не пришла. Сидим в отчаянии и ждем его великих советов.

– Я так же отреагировал. Но сейчас, кажется, этим следует воспользоваться. Скажем, мы направляем на Остров своего человека, которого виконт может использовать и в своей, безусловно блестящей операции. Выиграет – так с нашей помощью, мы тоже герои. Проиграет – только сам, несмотря на нашу всемерную помощь. Думаю, одна неудача не сломает его карьеры, зато сдернет с Олимпа.

– Завидуете? А это грех, поверьте священнику. Впрочем, вы сейчас не на исповеди, у вас еще будет время для покаяния. А пока направляйте гонца в Амьен.

– Думаю, лучше будет, если ваше... нет, все же наше поручение передаст виконт Транкавель.

– Личный врач короля?! У него других дел нет?

– Конечно есть, монсеньор. Но они с де Камбре друзья. Письмо, переданное другом, вызывает больше доверия. Кроме того, думаю, они будут счастливы повидаться.

– Ну да. – Его преосвященство сел за стол, сложил руки на коленях и, словно глубокий старик, прикрыл глаза. – Они будут счастливы, островитяне будут счастливы, вы будете счастливы – все будут счастливы! А мне придется служить заупокойную еще по одному вашему... нет, теперь уже нашему бойцу?

– Увы. На войне без жертв не бывает, а сейчас Баран – единственный, в кого безусловно поверит их контрразведка. И кто ни при каких обстоятельствах не сможет выдать действительно важных секретов. Поверьте, ваше преосвященство, никто из нас не рад этому выбору.

Маркиз де Шутт не счел нужным сообщать епископу дю Шилле, что, направляя свое письмо в Амьен с виконтом Транкавелем, дает Барану шанс вернуться с Острова живым. Шанс призрачный, но, даст Спаситель, виконт де Камбре сможет его использовать.

Глава 6

Середина февраля. Сыро, слякотно и зябко.

Барон де Бретейль в своей украшенной славным фамильным гербом карете едет... нет, именно следует к новому месту службы, исполненный гордости за оказанное ему высочайшее доверие. Потомуку известного, но, увы, небогатого рода пришлось долго, терпением и трудолюбием, прокладывать себе дорогу.

Он с детства не был лихим бойцом. Да что там, еще юношей Эркюль понял, что слава великого тезки для него совершенно недоступна. Худощавый, низкого роста молодой человек с тонкими запястьями, самой природой не предназначенными для шпаги, не мог рассчитывать на победу ни в каком поединке. Даже деревянный меч вылетал из его руки после первых же финтов ровесников. Что уж говорить о схватках на боевом оружии!

Увы.

К счастью, абсолютная неспособность к любому воинскому ремеслу стала очевидна, пока еще молодая кровь не бросила его в круговорот дуэлей.

Не судьба стать дворянином шпаги? Обидно. Но есть два выхода.

Первый – стать священником. Образованный, дисциплинированный юноша с живым и ясным умом мог добиться многого на этом поприще, если бы не одно но – даже не любовь, буквально необузданная страсть к прекрасному полу. Де Бретейль был готов ко многим ограничениям, но сама мысль о том, что придется беседовать, исповедовать, да хотя бы просто проходить мимо юных девиц и очаровательных дам, не имея возможности осыпать их комплиментами, предложить... пригласить... Нет! На это молодой ловелас был решительно не согласен.

Оставался второй путь – дворянина мантии. Судейское или финансовое поприще, да любое другое, на котором не требуется кого-то убивать или подставлять свою грудь под чужие удары – вот это точно его дорога! Скучная, пусть даже нудная работа? Не беда. За нее платят деньги, с которыми блюда в тавернах становятся все вкуснее, а улыбки женщин все шире и призывнее.

Конкретную службу молодой человек даже и не выбирал – все решила сама судьба, в роли глашатая которой выступил двоюродный дядюшка, которому потребовался смысленный помощник для обработки корреспонденции.

Дядюшка служил в созданном еще королевой-регентшей Департаменте внешних сношений, вел активную переписку с Мадридом и Лондоном, в которой, без должной систематизации, любой демон мог запросто сломать себе шею. Так что аккуратист и педант де Бретейль пришелся ко двору.

Ему поручили анализ поступающих из Лондона отчетов.

Первое время у молодого сотрудника голова шла кругом, настолько непохожа была Островная империя на его страну, в которой власть короля поддерживалась деньгами знати, как богатейшей части его подданных. Купечество, владельцы мануфактур, – да, они богатели, но их богатство лишь начинало приближаться к богатству феодалов герцогств, графств, виконтств и прочих баронств. Между дворянами надежно работали веками установленные вассальные связи. Противоречия, а значит, и заговоры, случались, но всегда было понятно, кто за ними стоит и чего добивается.

Не то в империи. Там тоже дворяне имеют земли, но серьезных доходов, как правило, не дающие. Предки нынешнего императора считали, что богатство следует получать от войн или, на худой конец, от службы при дворце. Потому и грызутся между собой родовитые господа, словно крысы. Благо не много их. Хорошо, если каждый десятый дворянин может похвастаться поколениями благородных предков. Остальные – чернь, заработавшая деньги на шерсти да торговле и попросту купившая титулы.

Но те же деньги дали им не только имя, но и власть.

Островной парламент состоит из двух палат, и лишь в верхней заседают те, кому де Бретейль готов протянуть руку. В нижней же вот те самые купчишки да мануфактурщики. И именно эти «тоже дворяне» уже начинают показывать зубы. Причем так, что пять лет назад предыдущему императору пришлось парламент распустить.

Однако недавно, буквально полгода назад, император умер. Его сын едва вступил на престол, унаследовав все отцовские проблемы – сильное купечество, не горящее желанием платить налоги и ненавидящее прежних фаворитов, прежде всего герцога Фицуильяма, загнавшего внешнюю политику страны в самый настоящий тупик.

С треском проиграна война с Галлией. Вроде как дружественная Кастилия неуклонно выдавливает островной флот из фарватеров Нового Света, перехватывая торговые пути и рынки дешевого сырья.

В ближайшее время в Лондоне следует ожидать жестокой схватки за влияние на молодого правителя. Прежние фавориты, новые фавориты, лидеры купечества и промышленников сплетутся в змеиный клубок, сцепятся за возможность влиять на решения нового сюзерена, получать привилегии, давить конкурентов.

Доклад с таким выводом, поданный де Бретейлем, был замечен самим епископом дю Шилле. К тому времени начальство уже оценило прекрасную память своего сотрудника, его способность вести беседу мягко, не раздражая собеседника, но и не давая тому уйти от ответов на самые скользкие вопросы. И вот недавно барону было предложено место второго секретаря галлийского посольства в Лондоне! С зарплатой, о какой в начале карьеры тот и мечтать не мог. Было, правда, странное условие – отбыть к месту новой службы требовалось не позже чем через неделю. Так что ж, от выполнения таких приказов лишь идиоты отказываются.

Мало того! К должности полагался небольшой штат прислуги, содержание которой тоже взяла на себя корона. Слуг, двоих немолодых, но расторопных супругов, работавших у него в Париже, подобрала жена. Сам-то барон хотел бы видеть на их месте кого помоложе. Во всяком случае, служаночку посимпатичнее и посговорчивее, но тут уж супруга была непреклонна. Или эти, или никуда не поеду, останемся с сыном в Париже. А одинокий дипломат не может работать на высокой посольской должности.

Также второму секретарю полагался личный курьер. И здесь уже мнения де Бретейля вообще никто не спрашивал. Ему просто представили шевалье де Фле и сказали, что кандидатура этого пятнадцатилетнего мальчишки согласована и обсуждению не подлежит.

Однако, видя огорченную физиономию дипломата, мечтавшего пристроить на эту должность собственного племянника, начальник островного отдела прозрачно намекнул, что у парня, помимо прочих достоинств, имеется миловидная мамаша, на которую кое у кого имеются некие планы... В общем, присутствие щенка в Париже нежелательно. Точка.

Впрочем, этот тощий белобрысый юноша оказался смышлен, исполнительен и, что представлялось важным, свободно говорил на языке островитян. Мол, долго жил в Кале, была возможность выучить.

Всю дорогу по Галлии де Фле в основном молчал, в разговоры старших по возрасту не лез, вообще вел себя скромно, даже старался из гостиниц, где они останавливались, никуда не выходить. Лишь в Амьене, в котором неожиданно пришлось задержаться на три дня, отпрашивался на ночь «навестить любимую тетюшку». Что уж это за тетюшка такая, осталось неизвестным, но наутро парень прибывал точно к семи. Был бодр, свеж и аккуратно причесан. Может, и впрямь у родственников гостил?

В Кале неожиданно пришлось задержаться еще на целую неделю. По казенной подорожной дипломату предписывалось отправляться в Лондон на фрегате «Триумф». Но по каким-то непонятным причинам отплытие было отложено. То ли пассажиров каких ждали, то ли почту, то ли документы оказались не так оформлены – из сбивчивых пояснений капитана де Бретейль

так ничего и не понял. Что же, вынужденный простой пришлось потратить на осмотр города и выслушивание очередных сказок местных хвастунов о героической, никак не иначе, обороне города в позапрошлом году. Если верить этим трепачам, тогда погибло море народа, островитяне разрушили форт и крепостные стены и так далее и тому подобное.

Ох и любят провинциалы врать! Видел барон те стены – целы и крепки, будто только вчера сложены. Ну да, были здесь бои, он слышал. Так они чуть не каждый год бывают. Подумаешь, эка невидаль.

А де Фле в эти дни из гостиницы и вовсе не выходил. Только пару раз о чем-то подолгу беседовал с каким-то седым горожанином, откровенным купчишкой, да с таким же, как сам, мальчишкой, но с нашивками полицейского капрала. Сказал, что это товарищ по детским играм.

«Шевалье и есть шевалье, мелочь безродная, – подумал тогда барон. – С кем ему и дружить, как не с полицейским быдлом».

Но в конце концов все проблемы были решены, и «Триумф», поскрипывая такелажем, легко скользя по легкой ряби моря, отправился в путь. Чтобы уже на следующий день встать на рейде Дувра, где нового дипломата ожидала карета с расчехленным лазурным галлийским флагом – посол встречал барона и его семью лично.

А все прочие довольствовались одной пассажирской повозкой и простой телегой, на которую и погрузили и господский багаж, и нехитрый скарб сопровождающих. Ящики, коробки и тюки попросту свалили как попало – на месте разберутся. Что надо – отмоют, что надо – поглядят. А уж если чего и разобьется так, что и починить нельзя, это тоже нормально – не бывает, чтобы без убытка путешествовать.

Лишь молодой шевалье схватил свой чемодан, водрузил на колени да так и вез всю дорогу, обнимая крепко, словно ветреную девицу. В порту и вовсе физиономию к нему прижал, словно прятался от кого. Ни привстать, ни разогнуться в тесном экипаже. Хорошо хоть другим не мешал.

Наконец путешественники добрались до добротного двухэтажного дома, сложенного из серого, с каким-то зеленоватым оттенком кирпича.

У дверей, как положено, охрана – два здоровенных молодца при шпагах и в голубых плащах королевских гвардейцев.

– Наш дом, – кратко пояснил посол. – Вон то крыло, – он кивком указал на левую часть дома, – ваше, барон. Там есть все, что нужно для работы и жизни. Супруга, уверен, будет довольна. Ну и для слуг, разумеется, место найдется.

Потом перевел взгляд на де Фле, который откровенно стушевался перед грозным начальником.

– А молодой человек поселится вон в тех покоях. Видите, сбоку отдельный вход.

Отлично! Молодой человек бросил быстрый взгляд на обшарпанный вход в будущие апартаменты. Что же, если его комнаты ему соответствуют, то придется потратить немало сил для приведения их в божеский вид.

Комнаты? Как же! Всего одна. Не сказать, что очень уж тесная, но приглашать в нее друзей как-то не хочется. А о приглашении какой-никакой подружки и вовсе речи нет.

Впрочем, судя по промелькнувшей по лицу шевалье задорной улыбке, юношеский оптимизм еще царил в его светловолосой голове. Мол, жили мы в покоях и похуже, не привыкать!

И первым делом, сразу после того как господин посол уехал по своим важным делам, оставив господина барона с сопровождающими обживать на новом месте, раскрыл чемодан и привычно хмыкнул, увидев странный набор кисточек и баночек, о назначении которых не имел ни малейшего понятия. Откуда-то из глубины достал и тщательно пересчитал собранные в примитивный холщовый мешочек дешевые кольца и браслеты, на которые вряд ли поза-

рился бы хоть сколько-нибудь уважающий себя вор. Большую часть положил назад, оставив себе лишь перстенок с дешевым турмалином и тонкий серебряный браслет.

Затем совсем по-крестьянски закатал рукава и приступил к главному делу новосела – уборке и мытью никогда, видимо, не чищенных стен и полов. Уж Спаситель ведаёт, в каком состоянии находились покои де Бретейля, но здесь был самый настоящий, как, бывало, говаривал его друг, bardak.

В самый разгар работы в дверь деликатно постучали.

– Кто там еще? – не слишком вежливо крикнул де Фле.

В комнату вошел молодой человек, лишь немного старше нового жильца. Но прилично одетый и при шпаге.

– Шевалье де Фле? Вам необходимо срочно прибыть в посольство к господину первому секретарю графу де Пантьевру, – сказал он, начисто проигнорировав тон и недобрый взгляд оторванного от важного дела человека.

– Что, прямо вот так? – шевалье развел руки, намекая на свой затрапезный вид.

– Об этом мне ничего сказано не было, но вас ждут через полчаса, – по-прежнему предельно вежливо ответил посланник, позволив себе лишь намек на улыбку от вида изгвазданного в пыли, растрепанного и взъерошенного пятнадцатилетнего мальчишки. – До посольства идти минут десять. Постарайтесь успеть привести себя в порядок.

Что делать? Благо курьеру роскошная одежда не положена. А имеющаяся... Ну, надо бы ее почистить-погладить, но, в принципе, сойдет. Вот только волосы... эх...

Через полчаса в огромный и светлый даже в лучах заходящего солнца, богато обставленный кабинет вошел типичный небогатый дворянин, каких много моталось по матушке-Европе в поисках приключений. Точнее – денег, которые за эти приключения платили.

Дешевая, но редкая в Лондоне куртка на собачьем меху, приметная шляпа с красным пером непонятной птицы, может быть, даже петуха, и плохонькая шпажонка, вряд ли способная выручить в серьезной схватке. Портрет дополняли штаны из грубой ткани, заправленные в залапанные грязью короткие ботфорты.

– Здравствуйте, ваше сиятельство! – вошедший вскинул руку в четком воинском приветствии.

– Де... как там вас... – хозяин кабинета брезгливо скривил губы, отмахнулся и бросил взгляд на какую-то лежавшую на столе бумагу, – да, де Фле, новый курьер. Вы знаете, что все курьеры посольства подчиняются мне?

Гость смущенно потупился, очевидно обескураженный подобным приемом.

– Вообще-то в Париже мне было сказано, что я поступаю в подчинение к его милости...

– Да мне плевать, что тебе было сказано в Париже. Здесь Лондон! – Хозяин кабинета, высокорослый красавец лет сорока пяти, с орлиным носом и густой иссиня-черной шевелюрой, хлопнул крепкой ладонью по дубовому столу. – Ты что себе возомнил?

И, не пошевелив даже пальцем, заклятым отправил в полет лежавшую на столе чернильницу.

Гость вскинул руку и ловко, словно жонглер в цирке, буквально вынул ее из воздуха, умудрившись не пролить и капли чернил.

– Ловко. Однако магии в тебе нет ни капли. За сколько дворянство купил?

– Вас интересуют расценки? – Де Фле не к месту улыбнулся.

– Что?! Никак здесь кто-то иронизировать вздумал?!

Господин первый секретарь скрипнул зубами. Господин первый секретарь побагровел, господин первый секретарь сжал крепкие кулаки.

Потом бросил взгляд на все еще стоявшего в дверях посланника и даже не жестом – взглядом приказал убираться. Того как ветром сдуло. Лишь аккуратно прикрыл снаружи массивную дверь высокого кабинета.

И все тут же изменилось. Господин первый секретарь неожиданно доброжелательно улыбнулся.

– Присаживайтесь. Хотите вина?

– Спасибо, но нет. – Молодой человек небрежно расстегнул куртку, из-под которой оказался вязаный свитер неопределенного, почти сиреневого цвета, и свободно развалился в предложенном, обитом тонкой бежевой кожей кресле, стоявшем напротив жарко растопленного камина. – Сейчас мне нужна ясная голова.

– Похвально, – с вежливой улыбкой отметил хозяин кабинета, усаживаясь в кресло рядом. – Я получил приказ оказывать вам содействие, но так и не понял, в чем именно. Может быть, вы поясните? Или в Париже вовсе перестали нам доверять?

Эта пара забавно смотрелась со стороны. Богато одетый взрослый, почти пожилой мужчина разговаривал на равных с мальчишкой, который, судя по возрасту и одежде, мог лишь служить у него на побегушках. Впрочем, именно такой и была легенда прикрытия.

– Мне поручено организовать канал связи с неким господином, для которого нежелательны любые контакты с гражданами нашей страны. Так что скоро я исчезну. Потом, возможно, изредка буду передавать некие письма, которые следует переправить в Галлию. Адресат, насколько я знаю, вам известен. Одно условие – о моей миссии, кроме вас, не должен знать никто.

Хозяин кабинета солидно кивнул, но на мгновение отвел взгляд. Краткий миг. Дилетант его и не заметит, так его и не жалко. А серьезный человек поймет намек. Граф слишком давно служил в разведке, сам когда-то пришел в нее почти таким же юнцом. Строго говоря, этот взгляд... эта мелочь была грубейшим нарушением инструкции. Но не дать шанс молодому коллеге он не смог.

Де Фле встал, поклонился, не слишком ловко взмахнув шляпой.

Понял?!

Этот вопрос, естественно, не был задан. Но ответ был очевиден.

– Вам следует подучиться придворным манерам, – дал на прощание совет граф де Понтъевр.

– Вы правы. Но откуда им взяться у простака, лишь недавно купившего титул?

Де Фле широко улыбнулся, но, пока поворачивался к двери, плечи его поникли, голова склонилась, даже губы чуть-чуть задрожали. В общем, из начальственного кабинета выходил типичный мелкий клерк, получивший грандиозный разнос.

Глава 7

Вечером в тесной, хотя уже и аккуратно прибранной каморке юного курьера никто не беспокоил. Пригласить к ужину? Такая смешная мысль ожидаемо не могла посетить благородного барона. Пришлось решать вопрос самому.

Де Фле вышел на улицу, когда сумерки лишь начали сгущаться над строгим, даже мрачным в своем величии Лондоном. Требовалось срочно найти таверну, ужин в которой был по карману сотруднику посольства, находившемуся в самом низу служебной лестницы. Как подозревал молодой человек, даже слуги господина де Бретеяля получали лучшее содержание.

Так что отыскать подходящее заведение оказалось непросто.

То есть вывесок, зазывающих голодных клиентов, хватало. Но вот рядом с каждой, прямо на улице, стояла черная доска, на которой мелом были написаны цены. М-да, не на посольских курьеров рассчитанные. Лишь покружив по узким и извилистым улочкам, де Фле наткнулся на подвальчик, в который вела истоптанная скрипучая лестница. Над входом висела грубо струганная доска с кое-как намалеванным подобием ложки, кружки и надписью: «Подвал». А расценки вообще не были указаны.

Как выяснилось чуть позже, хозяин больше смерти боялся, что коллеги заподозрят его в неподобающем демпинге – тогда ему пришлось бы туго. Вот и приходилось держать лестницу – скрипучей, полы – кое-как метеными, а глиняную посуду – старой и облупившейся. То есть такой, из которой господин благородного происхождения, да даже и уважающий себя купец или клерк, кушать побрезгует.

Но еда была вполне сносной, а пиво вкусным. Тут уж было не отвертеться – за качеством именно этого напитка в империи следили строго.

Еще одним достоинством заведения было то, что путь к нему пролегал через три перекрестка, на которых было удобно оторваться от возможных нежелательных спутников.

Кое-как заказав на ломаном имперском языке тарелку дешевого лукового супа и кружку эля, де Фле сел за столик, расположенный в самом углу трактира. И от нечего делать стал прислушиваться к разговорам. Проблем с пониманием остроумия он, очевидно, не испытывал.

Вообще, из трактирной болтовни внимательный человек нередко может узнать весьма интересные вещи. Это молодой человек знал точно из собственного, слишком рано полученного опыта.

В сумрачном, освещенном лишь парой чадающих факелов зале сидели люди откровенно невысоких доходов. Метельщики, подметавшие окрестные улицы, кучеры, захавшие в этот престижный район и решившие заморить червячка. Вот в их-то разговорах и прозвучало впервые имя Черный Валет. Вроде как бродит по ночным улицам Лондона здоровенный громила в черном плаще и грабит зазевавшихся прохожих.

Констебли? Да что они могут, прости Спаситель. Только деньги собирать с бедных кучеров да лупить по мордасам метельщиков – вроде как плохо они свою работу делают, неаккуратно, твою мать. А вот поймать ентого негодяя – не, на это они и вовсе неспособные!

Как уж тот злыдень выбирает своих жертв, никто в городе понять не может. То на богатого купца нападет, то на вечно безденежного студента, а то и вовсе, говорят, вчерась ажно два офицера на него напоролись. И остались без денег, да и без жизней заодно. Этот Черный Валет-то, он мужчина основательный, живых свидетелей не оставляет, ага. Зато карту оставляет. Как кого порешит, так и пожалуйста, прям на убиенного пикового вальта и ложит, отсюда и прозвище.

Де Фле усмехнулся. Все знакомо. Такие слухи, они обычные в более-менее крупных городах, а уж по Лондону им сам бог велел бродить, и именно среди такой вот публики – не слишком умной, зато гораздой чесать языками. Нет, ну подумали бы: если свидетелей живых нет,

то откуда приметы? Рост, черный плащ... Покойники, что ли, его описали? А кто сказал, что вообще это все один человек? Двух офицеров порешивший, которые наверняка при шпагах были.

Ерунда. В большом городе преступников полно, а уж в таком, как Лондон, и подавно. Но нет, горожан хлебом не корми, дай очередную байку о неуловимом бандите послушать.

– А с недавних пор и вовсе обнаглел – стал по домам лазать, – вновь донесся гнусавый голос кого-то из посетителей. – Ну тут, ясно, только по богатым домам. Порешит всех подряд – что старых, что малых, что хозяев, что слуг – и исчезает. Вчерась, опять же, вот прям неподалеку семью Клэптонов под корень вырезал. Хозяина, жену да старшего сына. Слугу да экономку и тех не пощадил. А сам-то мастер Клэптон уж на что сурьезным мужчиной был, завсегда чаевыми не скупился.

Оп-па, это уже интересно, это может пригодиться.

А трактирщик-то, трактирщик ведь наверняка неглупый человек, так тоже прислушивается, головой качает, даже причмокивает от усердия пухлыми губами. А что? Это повод познакомиться поближе – эта публика, трактирщики, она порой полезной бывает.

– Любезный, сколько с меня? – с тем же ужасным акцентом, безбожно коверкая слова, спросил де Фле.

– Два цента, ваша милость, – круглое лицо собеседника расплылось в самой угодливой улыбке.

– Держи. А что, любезный, я слышать о Черный Валет. Такой он опасный? Надо бояться?

– Да ерунда это все, – трактирщик только рукой махнул. Но задержал взгляд на кошельке клиента, не слишком тугом, но и не тощем. А уж когда клиент снял перчатку, чтобы достать из кошелька деньги, и на пальце сверкнул перстень с мелким, плохо обработанным турмалином, да показался из-под обшлага серебряный браслет, тонкой змейкой обхвативший запястье, и вовсе замер, как легавая, почуявшая дичь.

– Ерунда? Что есть ерунда?

– Глупость, сплетни досужие. – Хозяин с трудом отвел взгляд от перстня. – Уж у нас-то район тихий, тут бояться нечего. Вы, я вижу, недавно в Лондоне?

– Сегодня приехать, поселиться на улице Святого Петра.

– Далековато вас занесло, ваша милость. Дорогу-то назад найдете? Вот смотрите.

И трактирщик подробно объяснил маршрут. Только не тот, которым пришел де Фле, а почему-то раза в два длиннее.

– Ну и слава богу. Вы заходите к нам – тут и вкусно, и недорого!

Недорого? Пожалуй. Вкусно? В общем, да.

Шевалье кивнул и уверенно направился к выходу. На улице вдохнул полной грудью, выгоняя из легких смрад душного заведения, и пошел к своему новому жилищу. Но не туда, куда рекомендовал сердобольный абориген.

За первым же поворотом снял шляпу и встал так, чтобы видеть улицу, но не отвешивать самому. И ничуть не удивился, когда из кабачка вышли двое громил. Черный Валет? Ну-ну, наверняка у этих тоже в кармане игральная карта припрятана. Для его труп. Ничего, ребята, прогуляйтесь. Вам полезно, а мы – домой.

И больше ноги нашей в этом славном заведении не будет. Ну его.

Резиденция контрразведки Островной империи

– За этот месяц из Галлии прибыли лишь два человека, обладающие интересующими нас возможностями: мадам де Ворг графиня де Бомон и барон де Бретейль. Последний – на должность второго секретаря их посольства, что делает его роль в планируемой галлийцами операции сомнительной: слишком велик риск засветить перед нами контакт.

Мужчина средних лет замолчал, почтительно склонил голову и остался стоять.

– Значит, графиня. – Пожилой господин устроился поудобней в кресле. Потом протянул руку к стоявшей на столике вазе с фруктами, взял дольку экзотического, из дальних стран привезенного ананаса. Откусил кусочек крепкими, недавно за большие деньги выращенными зубами, не спеша прожевал. – Жаль, жаль. Я надеялся с ней договориться, она могла бы оказаться нам полезной... Изгой... с обширными знакомствами... Может, все же не она?

– Не будем торопиться с выводами, – мужчина уловил настроение начальства. – Мы подвели к ней своего человека, она под плотным контролем. Спешить нам некуда. Подождем, посмотрим?

– Да. И за этим, как его, вторым секретарем посмотрите, за его людьми. Чем демон не шутит, может, галлийцы что-то интересное придумали. В последнее время они наловчились преподносить сюрпризы.

– Господи, на слуг-то зачем время тратить?! Проверили уже, ни один из них магией не наделен! Даже курьер, который вроде как шевалье, пуст, как кружка эля в воскресный вечер.

– Пуст? То есть это простолюдин, купивший титул? Значит, на это у него денег хватило, а работы по-денежнее он подыскать не смог?

Подчиненный начал что-то бормотать оправдываясь: мол, и одет тот курьер небогато, и молод до неприличия, а главное – ведь не пошлют галлийцы для связи с серьезным агентом пятнадцатилетнего щенка и вчерашнее быдло. С ним, с таким-то, важный вельможа по одной улице пройти побрезгует, не то чтобы разговаривать, пусть даже и за большие деньги.

Пожилой господин положил морщинистые руки на подлокотники, по-старчески неуклюже встал из кресла, показывая, что аудиенция окончена.

– Что же, вам виднее, барон. Надеюсь, что и на этот раз вы сделаете работу превосходно. Удачи вам.

Когда подчиненный уже открывал дверь, добавил, словно эта мысль только что пришла ему в голову:

– Вы знаете, я тут вспомнил. Пять лет назад кастильцы направили к нам своего человека под видом мелкого купца. Так он умудрился выкрасть даты отправления и маршруты наших серебряных караванов из Вест-Индии. Два конвоя мы потеряли тогда. Вы представляете потери? Именно из-за них нам пришлось ввязываться в недавнюю авантюру с нападением на Галлию.

И через несколько мгновений, когда барон уже был готов задать закономерный вопрос, добавил:

– Тот человек оказался потомственным галлийским дворянином с длинейшей родословной, но абсолютно не имевшим магии. Это мы потом уже выяснили. К сожалению, имя узнать так и не удалось, только псевдоним. «Маэстро», если вам интересно. К чему это я? Ах, так, вспомнилось по-стариковски. Ну, идите. С богом, как говорится.

Глава 8

Первый рабочий день нового курьера галлийского посольства начался со скандала. Господин барон де Бретейль, как второй секретарь, не посмел возражать господину первому секретарю, но уж в адрес де Фле излил весь накопленный запас своего категорического неудовольствия.

В самом деле, он, знатный дворянин, все путешествие терпел возле себя этого... Тут де Бретейль бросил взгляд на шпагу юного курьера, непроизвольно сжавшийся кулак и, как полагается опытному дипломату, мгновенно сменил тон.

Да, так вот, господин барон, оказывается, рассчитывал работать именно с этим юношей, успевшем внушить уверенность в своей исключительной порядочности и расторопности. А что теперь? Кто, спрашивается, будет разносить его письма, столь важные для политики Галлии, что от них, несомненно, будет зависеть судьба страны?! Это произвол! Нарушение всех правил и предписаний! Да как такое вообще быть может?!

Пришлось выслушать этот спич, изображая по мере сил искреннее почтение и сочувствие. Как иначе? Жизнь по-разному складывается, возможно, что потребуются еще расположение и этого надутого индюка. Так что срочный вызов в канцелярию был воспринят почти как спасение.

Там новому курьеру был вручен пакет, который следовало доставить некоему виконту Мальдоне, проживавшему в каком-то Уотфорде. Кто такой этот Мальдона, где его дом и даже что такое Уотфорд, де Фле не имел ни малейшего понятия.

Первое поручение на новой службе! В новой стране! Когда, как не сейчас, следует проявить и расторопность, и смекалку, чтобы запомниться начальству дельным сотрудником, на которого можно положиться. И не только в делах служебных... в смысле – личные поручения оплачиваются выше.

Курьер должен был вихрем умчаться на поиски адресата!

Но нет. Наоборот, де Фле с хмурым видом внимательно, словно редкую картину, рассмотрел конверт. Потом спросил у миловидной канцеляристки, нет ли у нее в запасе карты Лондона.

Оказалось, что есть, специально для таких вот господ – нерасторопных, но, в принципе, симпатичных. И девушка улыбнулась столь лукаво, что не улыбнуться в ответ было просто невозможно.

И с хорошим настроением покинуть посольство. Но опять же не спеша.

Потому что на конверте рядом с подписью отправителя красовалась маленькая, почти незаметная черточка. Бывает же такое, чтобы граф де Понтъевр проявил мелкую небрежность. При его-то занятости. Кто в посольстве посмеет его упрекнуть? Начальник канцелярии? Ну-ну.

А для де Фле она означала, что с доставкой можно не торопиться. Можно неспешно и обстоятельно заняться изучением города, как полководец изучает место будущей битвы.

Все еще вспоминая девичью улыбку, юноша буквально нырнул в плотный поток мужчин и женщин, богато и не очень одетых, вынужденных обходить или пропускать груженные телеги, развозившие продукты, бочки с водой и много-много всего, без чего не может жить главный город великой империи.

Изредка проезжали кареты знатных господ, и толпа раздавалась к стенам домов, отдавая дань уважения пассажирам и уворачиваясь от кнутов, которыми извозчики таких экипажей не стеснялись потчевать зазевавшихся. Всадников пропускали, предварительно наметанным взглядом оценив роскошь камзолов и стати коней, так что какому-нибудь деревенскому бедолаге приходилось спешиваться и вести лошадку под уздцы.

Но прежде всего пропускали бочки золотарей, о чьем приближении сообщало ужасающее зловоние. Перед ними не просто расступались, но старались вообще уйти на другие улицы.

В общем, все было как в родной Галлии – для де Фле совершенно привычно.

Осталось вырваться из толпы на улице Святого Петра и начать знакомиться с городом. Карта? Это, конечно, подспорье хорошее, но уж слишком приблизительное. Вот и улицы на ней показаны мало что не совсем точно, так еще и не все. А уж всякие проулки-закоулки, в них можно было запросто заблудиться.

Более того! На карте был целый район, вообще не прорисованный – эта часть города была просто заштрихована, безо всяких надписей. Де Фле из любопытства подошел к границе этого странного участка... Какой там странный! Обшарпанные дома, немощёные улицы, на которых вповалку лежали пьяные мужчины и женщины, куда заходили и откуда выходили типы самого зловещего вида.

Все ясно. Нижний город. Лондонский аналог парижского Двора чудес или амьенского Зеленого квартала. Место, облюбованное местным отребьем, куда вовсе не следует соваться добропорядочным посольским курьерам. Но вот конкретно для де Фле... Впрочем, и ему не следует лезть в эту клоаку очертя голову. Не сейчас, во всяком случае.

И вообще, надо поручение выполнять! Вот сейчас на север, потом... куда? Улица свернула в одну сторону, в другую, попетляла, чтобы закончиться глухим тупиком. Назад, опять на север... Господи, где он? Под серым небом определить стороны света невозможно. Туда? Или туда? Хоть бы название какое увидеть...

– Мастер, не поможете?

В общем, с помощью карты, а скорее с помощью добрых лондонцев, снизошедших до бедного иностранца, задававшего вопросы на ломаном языке и с жутким акцентом, резиденция виконта Мальдоны была найдена и письмо передано управляющему. Разодетому в пух и прах и важному, словно первый петух в курятнике.

Назад курьер возвращался другой дорогой, тщательно следя, чтобы не забрести ненароком в тот самый заштрихованный район.

* * *

На следующий день де Фле относил еще одно послание с мелкой черточкой, через день – тоже, потом еще и еще.

Короче, он делал то же, что делал бы на его месте любой курьер в незнакомом городе – изучал его. Ибо от скорости доставки корреспонденции зависит и зарплата, и, что важнее, чаевые.

Небольшим отличием от коллег было, пожалуй, чуть большее внимание молодого человека к мелким переулкам да проходным дворам, ну да ведь молодости свойственно любопытство.

Так продолжалось почти месяц, пока однажды, изрядно поплутав по городу, де Фле не заглянул в лавку портного и после продолжительного и яростного торга купил наряд, его должности никак не соответствующий. Небогатый посыльный приобрел себе скромный, но пошитый из добротной ткани костюм, который не стыдно было надеть и сыну купца. Пусть не самого богатого, но и не начинающего или, тем более, разорившегося.

Причем общался покупатель с продавцом на хорошем островном языке, может быть, с легким акцентом, впрочем, нормальным для выходца из заморских колоний, где как раз и принято торговаться по любому пустяку так азартно, словно от результата зависит судьба мироздания. И расплатился он слегка потертым, но вполне приемлемым совереном, после чего стал совершенно неинтересен хозяину лавки – еще одна сделка, не слишком прибыльная, но и не убыточная. Рутинная, одним словом.

* * *

На следующий день де Фле, получив очередное письмо с уже привычной черточкой около подписи, направился в город и... исчез. То ли стал невидимым, хотя ведущие маги в один голос заявляли, что подобное невозможно с научной точки зрения, то ли вознесся на небеса, приобщившись к пантеону святых, прости, господи, за подобную ересь. Во всяком случае, осторожно заглянувший ему вслед невзрачно одетый мужичок, наплевав на конспирацию, опрометью бросился на параллельную улицу, но объект наблюдения так и не увидел.

А тому просто некуда было деваться. На переулок не выходила ни одна дверь, только окна, расположенные слишком высоко, чтобы в них мог запрыгнуть самый ловкий юноша.

По параллельной улице шел еще один неприметный мужчина, который тоже потом клялся, что объект наблюдения и там не появился. Обоих проверили заклатьем правды, убедились, что не врут, но по мордасам съездили крепко и зарплату за тот день все равно не заплатили. Безалаберность – не новая беда любых работников.

* * *

Пока потерявшие де Фле мужички бегали по окрестностям, писали отчеты да получали зуботычины, шевалье появился на другом конце города. Одетый в тот самый недавно купленный костюм. В руках держал потертый чемодан, с которым пару недель назад и приехал в Лондон.

Уверенной походкой вошел в двухэтажный дом, один из многих, вплотную стоявших по обе стороны узкой и кривой улицы, вплотную примыкающей к Фаррингтон-стрит, где, назвавшись эсквайром Шелдоном и сославшись на договоренность хозяина с неким Фицджеральдом, снял комнату. Так, чтобы по дороге домой не заходить в опасные кварталы, но, если приспичит, иметь возможность туда сбежать. Все как обычно – в городских клоаках легко потерять жизнь, но там же есть шанс ее спасти. От преследования властей, судей, да просто сильных мира сего.

Кто такой этот Фицджеральд, молодой человек не имел ни малейшего понятия, но ключи от уютной, хотя и тесноватой комнаты на втором этаже ему передали без лишних вопросов и за вполне умеренную плату.

Степенный пожилой мужчина, видимо, бывший военный, смотрел на нового квартиранта равнодушно. Очередной сынок богатенького папаши озаботился местом для свиданий да гулянок. Что он там бормочет?

– Буду много ездить... редко здесь бывать... вам достался выгодный постоялец...

Ну да, все они так говорят. И наплевать, лишь бы окна не били, деньги платили исправно, а остальное неважно.

Окрестности этого дома де Фле изучил в первый же день, когда относил письмо неведомому Мальдоне. Тогда слежки за ним не было, можно было позволить себе не спеша присмотреться. Дом не богат, но и не развалюха, улица перед ним тщательно выметена, а это обязанность именно хозяина дома.

О том, что в доме живут люди степенные и нелюбопытные, рассказал трактирщик из расположенной по соседству таверны. Вон он, кстати, помахал рукой – шевалье махнул в ответ. В следующий раз надо будет зайти, пообедать и выпить пинту хорошего, кстати, пива.

Да, как оказалось, комната имеет отдельный вход из совсем уже узкого кривого переулка, что просто прекрасно! Кто и когда входит-выходит, никому не видно, так что ни у хозяина, ни у соседей лишние вопросы не появятся.

Глава 9

Дом на улице Башмачников

Тем же вечером в добротный, но не шикарный дом на улице Башмачников, что пролегла не в самом центре, но и не на окраине, вошел прилично одетый мужчина. Светловолосый, голубоглазый, среднего роста, слишком молодой, чтобы быть купцом или хотя бы хорошо оплачиваемым стряпчим.

– Могу я увидеть хозяйку?

Пожилой слуга погладил лопатообразной ручищей пышные, на морской манер постриженные бакенбарды, окинул гостя быстрым взглядом из-под кустистых бровей и, очевидно, решил, что больших проблем его присутствие в доме не создаст.

– Проходите. Миссис Клэптон сейчас спустится.

Пока слуга неожиданно резво бегал с докладом, молодой человек осмотрелся. Судя по легкой улыбке, увиденное – добротная облицовка стен, не узкая, но и не слишком широкая лестница, ведущая на второй этаж, – произвело на него благоприятное впечатление.

Тут открылась дверь сбоку, и в прихожую вошла седая женщина в простом коричневом платье. Худая, с тонкими, уложенными в аккуратную прическу волосами и сурово поджатыми губами.

– Что вы хотите?

Хрипловатый голос прозвучал не слишком любезно, но посетитель не смутился.

– Здравствуйте, миссис Клэптон, меня зовут Алэн Юбер. Мой друг мастер Фицджеральд передал, что вы согласились сдать для меня комнату. Она все еще свободна?

– Да, если шиллинг в день вы не сочтете слишком большой платой. А согласитесь доплатить шесть пенсов, сможете снять две комнаты – такой солидный господин не может обойтись без слуги. – Это предложение следовало произнести с улыбкой, по возможности более доброжелательной, но на деле было сказано суровым тоном корабельного боцмана.

– Цена разумная. – Юбер решил быть столь же строг и лаконичен. – Если, разумеется, комнаты того стоят.

– Прошу, молодой человек. – Хозяйка резким взмахом руки указала вверх, словно дуэлянт, приглашающий соперника к месту смертельного поединка.

Что же, помещение для слуги, которого только еще предстояло найти и нанять, было скромным, но аккуратным. Маленькое окошко, узкая кровать, тумбочка и даже небольшой, встроенный в угол шкаф. Что еще нужно расторопному слуге для счастья? Да, через комнату проходил дымоход, давая бедолаге надежду на хоть какое-то тепло в это промозглое время!

Зато в господской комнате, точнее даже двух комнатах, разьединенных тонкой перегородкой, не стыдно было поселиться и дворянину. Массивная дубовая мебель, мягкие кресла. Даже камин, без которого, как уже понял посетитель, состоятельному человеку трудно пережить сырые и холодные островные зимы.

Отдельное внимание Юбера привлекла кровать, столь широкая, что своими размерами навела самые разнообразные мечты. Заметив слегка затуманившийся взгляд нового постояльца, миссис Клэптон немедленно внесла коррективы.

– Молодой человек, я категорически настаиваю на вашем подобающем поведении в моем доме. Вы снимаете комнату в добропорядочном квартале, где не терпят праздных гулянок и легкомысленных визгов распутных девиц. Здесь ценится репутация жильцов. Я вдова, мой муж служил боцманом на «Чайной розе», мои сыновья были матросами на этом славном корабле. Мои дочери замужем за достойными моряками. Я вас *прошу*, – она сделала акцент на слове «прошу», отчего оно прозвучало как «требую», – вести себя достойно. Во всяком случае, здесь.

«Чайная роза» – это название было известно на обоих берегах Ла-Манша. Флейт Островной империи, потопленный в прошлом году. Пиратский корабль, бесчинствовавший на северном побережье Галлии. Ни один человек с судов, попавших под его атаку, не вернулся домой. Впрочем, на корабли островитян и их союзников «Чайная роза» никогда не нападала.

Видимо, поэтому те пираты здесь считаются добропорядочными господами. И это следует учитывать.

– Не беспокойтесь, миссис Клэптон. Я сын серьезного купца. Хочу открыть в Лондоне свое дело, поэтому репутация важна и для меня. Вообще, я буду много разъезжать и редко останавливаться в вашем доме. Вам повезло с постояльцем. – И молодой Юбер улыбнулся. Широко, искренне. Так, что и хозяйка не смогла не улыбнуться в ответ. Может быть, впервые за долгие месяцы.

Резиденция контрразведки Островной империи

– Итак, он все-таки возвратился в посольство. А послание передал?

– Да, мой господин. Мы проверили. Щенок появился у адресата ровно в полдень, передал письмо господину барону лично и сразу отправился назад. По дороге заходил лишь к себе домой на двадцать шесть минут. Потом напрямик в посольство, где и оставался до вечера.

– Так что ничего особенного он сделать не успел. Сколько времени его не было под нашим контролем? Пару часов? Нестрашно, скорее всего – обычное разгильдяйство ваших людей.

– Они за это наказаны, господин барон, можете не сомневаться.

– Ну и хорошо. А это... – господин средних лет взял в руку сводку наружного наблюдения, – подождем докладывать. Пока, по крайней мере.

* * *

На следующий день Щенок, как контрразведчики называли между собой де Фле, очередного адресата не нашел и ни с чем вернулся в посольство.

Агент Сойка, работавшая в канцелярии галлийского посольства, сообщила, что Щенка вызвал к себе сам господин первый секретарь. Грандиозный разнос был слышен во всем посольстве. Обещание посадить разгильдяя на кол было, пожалуй, самым мягким из предложенных де Понтъевром вариантов. В конце концов грозный начальник изволил предоставить последний шанс на исправление – курьер должен доставить послание консулу в Эдинбурге и вернуться через три недели.

Теплым мартовским утром Щенок получил в канцелярии пакет, зашел домой, откуда через полчаса вышел пешком, пошел по городу и... вновь исчез. Так же, как в прошлый раз.

Стража ни на одних городских воротах его не заметила. Ни через три недели, ни через месяц, ни через два шевалье де Фле в посольстве не появился.

Его вообще больше нигде не видели.

Резиденция контрразведки Островной империи

– Ну что, барон, чем намерены порадовать старика на этот раз? – голос пожилого господина буквально сочился желчью.

– Наши художники сделали полторы сотни портретов де Фле. Они розданы всем констеблям, разосланы по заставам на всех дорогах. Пусто. Его нигде нет.

– Это я вижу. – Пожилой господин потряс пачкой исписанных листов, швырнул их на стол. – Как вижу и то, что слежка не была постоянной. Что он делал, когда вы за ним не следили?

– Кто знает, ваша светлость. До своего исчезновения Щенок ничем не выделялся.

– Ничем, говорите? Вас не насторожили его маршруты? Seriously?

– Он же курьер! Он обязан изучить город.

– Да, но какие части города? Главные улицы, богатые кварталы, где только и могут жить его адресаты. А что ему делать в районе Фаррингтон-стрит? Рядом с нижним городом, этой клоакой, на всех картах обозначенной как опасное место? Это вас не насторожило?

– Но его возраст! Молодежь часто тянет в такие места, вам ли не знать?

– Хм, да, пожалуй.

Пожилый господин потер левый бок, на котором, как знал его собеседник, когда-то был глубокий шрам от бандитского ножа. Шрам, последствие юношеской самонадеянности, полученный именно в окрестностях Фаррингтон-стрит, маги свели, но само тело навсегда запомнило и страшную рану, и дикую боль.

– Ладно, что нового можете рассказать сейчас? Собеседник позволил себе улыбнуться.

– Многое, ваша светлость. Неожиданно многое. После того, как я показал портрет де Фле нашим сотрудникам.

– Вот как? Этот юноша оказался популярен в наших кругах? Интересно, когда успел?

– Успел. Не знаю, к сожалению или к счастью. Первым его опознали барон Арседен и маг Пикни. Как Поля Пифо, которого они проверяли заклатьем правды в доме баронессы Эгримонт. Вы же помните эту историю, – собеседник не спрашивал, утверждал.

– Галлийский босяк, сопровождавший баронессу в поездке на нашу базу? – Пожилый господин стиснул подлокотники кресла и поджал губы, отчего нос заострился и стал похож на орлиный клюв. – Значит, он жив... так-так-так... А ведь, насколько я помню материалы следствия, местные мародеры действительно рассказывали, что среди развалин уничтоженного галлийцами поселка крутился какой-то мальчишка! Он? Оценивал результат разгрома?

– Теперь уже не узнать...

– Да какая сейчас разница! Главное, он явно был участником операции, организованной, кстати, прекрасно вам известным пикардийским интендантом, виконтом де Камбре. Получается, парень – его выкормыш? Сильно.

– И это еще не все. Его узнал еще и виконт Гиффард. Как вы знаете, Гиффард поддерживал связь с заговорщиками герцога Клермонского. Так вот курьером, перевозившим самые важные письма герцога, был некий виконт де Сент-Пуант. Этот же самый юноша.

Пожилый господин откинулся на спинку, словно силы его внезапно оставили.

– Боже, кого же галлийцы к нам прислали? – Потом протянул руку. – У вас с собой его портрет?

– Прошу, – мужчина передал лист бумаги.

Пожилый господин долго вглядывался в молодое, по-юношески круглое лицо, на котором неуместно смотрелись сосредоточенно поджатые губы и сведенные брови, между которыми уже наметились так несвойственные молодости вертикальные морщины.

Потом тяжело поднялся, шаркающей походкой дошел до секретера и открыл одну из створок. Долго перебирал какие-то старые, пожелтевшие от времени бумаги. В конце концов, нашел карандашный портрет.

– Вам не кажется, что эти люди похожи?

Мужчина долго сравнивал два рисунка.

– Несомненно, если учесть разницу в возрасте. А кто это?

Пожилый господин возвратился, сел, устроился поудобнее в кресле, зябко обняв себя за плечи и прикрыв глаза. Долго молчал, уверенный, что его не посмеют торопить. Потом сказал:

– Помните, недавно я рассказывал о кастильском агенте, Маэстро. Это он. Согласитесь, они похожи. Случайно это сходство или нет, я не знаю, но найдите мне этого парня, как его, де Фле или де Сент-Пуант – неважно. Забросьте все дела, снимите сотрудников со всех второ-

степенных задач, в том числе и с этой, графини Амьенской... де Ворг. Да, и с нее тоже, это все ерунда. Ищите его, – он потряс обоими рисунками. – Мы выяснили, кого прислал дю Шилле. Осталась ерунда, – горькая усмешка, – найти и схватить его.

Часть III Детектив

Глава 10

Мастер Шеффердсон, упитанный сорокалетний господин, сидел в удобном кресле за покрытым темно-синим сукном столом, украшенным искусной золотой резьбой, и сосредоточенно ломал гусиные перья. Брал из верхнего ящика, отламывал толстыми пальцами ровные дюймовые кусочки и аккуратным рядком складывал обломки перед собой.

Если бы кто-то сказал, что мастер был расстроен, он был бы неправ. Вернее – неточен. Глава купеческой гильдии был зол, еще точнее – взбешён. Третье убийство за месяц! Нет, простой народ на столичных улицах давят постоянно, это дело привычное. В темном глухом перелуке выпустить одинокому прохожему кишки ради тощего кошелька или придушить гулящую девку, если слишком много запросит за свои услуги да под горячую руку попадет, – такое случается частенько.

Кого-то из душегубов ловят и сразу, не откладывая дела в долгий ящик, отправляют потанцевать с пеньковой тетушкой. После суда, разумеется, как без этого, но все равно быстро и сноровисто. Но большинство убийц, увы, подавляющее большинство, остаются безнаказанными и, промотав жалкие пенсы, вновь выходят на охоту. Это плохо, но к этому привыкли, и главное, на купеческие прибыли это обычно не влияет.

Но что творится в последнее время!

Нападают на дома купцов, оборудованные такой защитой, что, кажется, и мышь не проскользнет. Мыши и не проскальзывают. Зато запросто проходит Черный Валет, которого никто в глаза не видел, но в чьем существовании не сомневается ни один горожанин.

Проходит, вырезает всех, кому не повезло находиться в этот час в доме, выносит все ценности и исчезает. Растворяется в ночи, словно призрак.

А может, он и есть призрак? Бессмертный и бестелесный? Только зачем ему, такому, золото? И как он, бестелесный, уносит добычу?

Ерунда! Святая церковь учит, что призраки суть сказки, пустое суеверие невежд. Нет, это человек или люди. Умные, жадные, беспощадные.

Ладно, смерть уважаемых людей – это горько, но понятно. А куда прикажете списывать убытки? На убитых огромные сделки были завязаны, их сейчас просто некем заменить. И это не главное! Именно эти трое были ближайшими сподвижниками, насмерть бились в парламенте с императорскими подпевалами, мечтающими лизать августейшую задницу.

Этим соглашателям что! У них оборот мелкий, их убытки легко перекрываются жалкими подачками, получаемыми из казны.

Господи, Спаситель милосердный, ну вразуми же этих упертых реформистов, что только крупный капитал и святая, очищенная от наносных догматов Церковь способны привести страну к величию, заставить всех еретиков и отступников мира со страхом смотреть на Великий остров, надеясь лишь схватить те крохи, что будут им брошены из великой милости!

Теперь ближайшие соратники мертвы, погибли от руки какого-то валека, ведь не самой даже главной карты в колоде.

Демон! И искать, ловить мерзавца некому. Полиции, подобной той, что хоть как-то держит в узде преступный мир Галлии и Кастилии, на Острове нет. «Не желают, видите ли, господа островитяне ее содержать, очень она их свободы, – мастер Шеффердсон скривился, даже

мысленно произнеся это слово, – задевает. Грабежи и убийства не задевают. Только полиция, которой нет».

Есть при церковных приходах констебли со своими помощниками – бейлифами, но это ж люди вольные, зарплату за свой труд не получающие, а потому больше думающие о заработках, а не о спокойствии горожан.

Купцы, конечно, дикость ситуации наконец-то оценили, меры приняли. Как могли, разумеется. Скинулись, создали купеческую стражу, набрали на службу бывших солдат, после чего нападения на склады и банки сократились. Не полностью, само собой, но, по общему мнению, до приемлемого уровня. Только что делать с нападениями на дома?!

Господи! Делать-то что?

– К вам мэтр Ферье! – прервал грустные мысли вошедший камердинер.

И в кабинет энергичной походкой ворвался розовощекий толстяк лет пятидесяти. Лысый, бодрый и улыбочивый, аж смотреть противно.

– Друг мой, как я рад вас видеть! – Толстяк приветливо раскинул руки, отчего крыльями взметнулись полы шитого золотом и подбитого собольим мехом плаща.

Пришлось обниматься, хотя больше всего хотелось крепко выругаться и плюнуть на натертый до янтарного блеска пол.

– Но я вижу, вы как-то не очень рады, – соизволил заметить очевидное Ферье. – Так нельзя! Вопросы, которые нам следует обсудить, не терпят грустных лиц, они от этого запутываются, как комок шелковых ниток. Так, что их потом только резать остается. Что случилось, мастер? Могу ли я чем-то помочь?

Первой реакцией было состроить столь же бодрую физиономию и заявить: мол, все прекрасно. Но нет, не годится. Не следует обманывать партнера в самом начале разговора, тем более так нелепо.

С другой стороны, спросить совета в важном деле – это как раз хорошо, это продемонстрирует доверие.

– Ну да, есть проблемы. Вы же знаете, мэтр, как в нашей старой доброй стране сладко живется всяким разбойникам. Нет, – он успокаивающе поднял ладонь, – бороться с этой напастью мы, купцы, слава Спасителю, научились. Но вот недавно...

Шеффердсон замолчал, наморщил лоб, усиленно показывая, что собирается с мыслями. Потом продолжил:

– Появился в Лондоне какой-то Черный Валет. Никто его до сих пор не видел, до недавнего времени никто и не слышал об этом мерзавце. И вот пожалуйста, сейчас он прямо в их собственных домах грабит и убивает уважаемых людей. Точнее, сначала убивает, потом грабит, никого в живых не оставляет, сволоочь.

– А охрана, магическая защита, в конце концов?

– Не работает! Сквозь защиту он проходит запросто. Потом убивает всех, кто есть в доме. Перед этим пытается, выясняя про тайники. Страшно пытается, поверьте. За месяц три купеческих семьи вырезал, с охраной, чадами и домочадцами. Теперь вот ждем, кто будет четвертым.

– Но ваша стража? – растерянно спросил Ферье. – Они же как раз и должны...

– А, – Шеффердсон безнадежно махнул рукой. – Эти только сторожить могут да шантрапу разгонять. Был тут, правда, один герой, поклялся найти злодея. Только дайте ему аванс в триста гиней, и через неделю Черный Валет будет стоять в этом кабинете, связанный по рукам и ногам. Поверили мерзавцу. Не от наивности, а от безысходности – больше за это дело никто не брался, а этот уж таким орлом-соколом выглядел! В результате ловец денежки прихватил и попытался сбежать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.